

IV РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС

Том XV

тематическая конференция
«ЭКОНОМИКА КУЛЬТУРЫ»
(сборник материалов)

Москва
2020

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
Институт экономики РАН, Экономический факультет МГУ им. М. В.
Ломоносова,
Московская школа экономики МГУ им. М. В. Ломоносова

IV РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС

Том XV
тематическая конференция
«ЭКОНОМИКА КУЛЬТУРЫ»
(сборник материалов)

Сопредседатели программного комитета
Е. Т. Гурвич, В. М. Полтерович, А. Я. Рубинштейн

Москва
2020

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
Институт экономики РАН, Экономический факультет МГУ им. М. В.
Ломоносова,
Московская школа экономики МГУ им. М. В. Ломоносова

IV РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС

Том XV
тематическая конференция
«ЭКОНОМИКА КУЛЬТУРЫ»
(сборник материалов)

Составители
Т.В. Абанкина, А.В. Мацкевич, В.Ю. Музычук

Москва
2020

УДК 338:7; 338:008

ББК 65.497

ISBN 978-5-9940-0697-9

IV Российский экономический конгресс «РЭК-2020». Том XV. Тематическая конференция «Экономика культуры» (сборник материалов) / Составители Т.В. Абанкина, А.В. Мацкевич, В.Ю. Музычук. – М., 2020.

Все тексты публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-9940-0697-9

Москва
2020

СОДЕРЖАНИЕ

Основная программа РЭК-2020

Сессия 1. Сфера культуры и современные вызовы	7
Романова В.В., Мацкевич А.В. Влияние пандемии коронавируса на сферу культуры в России.....	7
Брызгалин В.А. Влияние закрытого социального капитала на экономический рост	13
Хасанова Г.Н. Новые тенденции и актуальные проблемы в сфере экономики культуры.....	17
Сессия 2. Финансирование и оценка деятельности в сфере культуры	20
Молчанов И.Н. Финансовые основы развития некоммерческих организаций культуры.....	20
Ксынкина Г.М. Модели софинансирования культурных проектов и создания творческих продуктов за счет бюджетов разных уровней	24
Сессия 3. Культурное наследие в регионах России	29
Шульгин П.М., Штеле О.Е. Стратегия формирования культурного каркаса страны и использования культурного наследия в качестве драйвера социально-экономического развития российских регионов	29
Лимонов Л.Э., Несена М.В. Оценка эффективности проектов сохранения культурного наследия методом cost-benefit анализа (на примере проектов в Санкт-Петербурге и в ряде исторических городов России)	33
Музычук В.Ю. Сохранение индустриального культурного наследия в России: быть или не быть... ..	39
Хаунина Е.А. Экономические и социокультурные аспекты сохранения и развития индустриального наследия (опыт Москвы и европейских городов)	43
Сессия 4. Перспективы развития театрального искусства	49
Бураков Н.А. Композитные факторы деятельности российских театров (эмпирический анализ)	49
Славинская О.А. Региональный анализ рынка труда в театральной сфере.....	53
Дудкина Е.А. Молодежная аудитория театров России (на основе социологических исследований)	59

Сессия 5. Туризм и культурная среда.....	62
Леонидова Е.Г. Проблемы туризма как фактора развития региона в контексте влияния пандемии COVID-19	62
Томасова Д.А. Кулхантинг: принципы и возможности создания новых форматов в сфере туризма.....	66
Молодцова В.А., Мальцева В.В. Среда как определяющий фактор для разработки эффективных моделей капитализации объектов культурного наследия	71
Сессия 6. Потенциал культурных индустрий в России	75
Абанкина Т.В., Николаенко Е.А. Перспективы развития креативных индустрий в России.....	75
Казакова М.В. Креативные индустрии как новый фактор роста российской экономики	80
Зотова Л.Р. Влияние экзогенных шоков на рынки творческих индустрий	92
Круглый стол «Тенденции и перспективы развития культурных индустрий в регионах России».....	96
Мальцева В.В., Молодцова В.А., Данилова О.Е. Современные проблемы ценообразования на ремонтно-реставрационные работы объектов культурного наследия в России	96

Сессия 1. Сфера культуры и современные вызовы

Романова В. В., Мацкевич А. В.

Институт исследований культуры НИУ ВШЭ

Москва

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА НА СФЕРУ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ

В связи с угрозой распространения COVID-19 в соответствии с Федеральным законом от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» в I квартале 2020 г. в субъектах РФ был введен режим повышенной готовности. В соответствии с указами Президента России с 30 марта по 8 мая 2020 г.¹ были установлены нерабочие дни с сохранением за работниками заработной платы. При этом еще в марте 2020 г. Роспотребнадзор постановил требование об ограничении проведения массовых мероприятий², в том числе в сфере культуры. Данные меры не могли не отразиться на функционировании организаций культуры, так как, по сути, их деятельность на протяжении этого периода, а также последующего периода постепенного выхода из режима самоизоляции была фактически заблокирована.

Среди основных последствий сложившейся ситуаций для страны в целом эксперты называют: сокращение рабочих мест, снижение доходов населения и рост безработицы.

В целях оценки экономических последствий для сферы культуры была проанализирована динамика показателей бюджетного финансирования,

¹ Указы Президента РФ от 25.03.2020 № 206, от 02.04.2020 № 239, от 28.04.2020 № 294.

² Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 13 марта 2020 г. № 6 "О дополнительных мерах по снижению рисков распространения COVID-2019"

рассмотрены расходы домохозяйств на организацию отдыха и культурные мероприятия, а также исследованы изменения в структуре численности работников организаций культуры по формам неполной занятости.

В целях расширения представления о происходящей ситуации непосредственно внутри культурных институций было проведено качественное исследование - социологический опрос руководителей учреждений культуры разных видов, расположенных как в столичных, так и малых городах и в сельской местности из всех федеральных округов, который показал спектр мнений и оценок о влиянии пандемии на их деятельность.

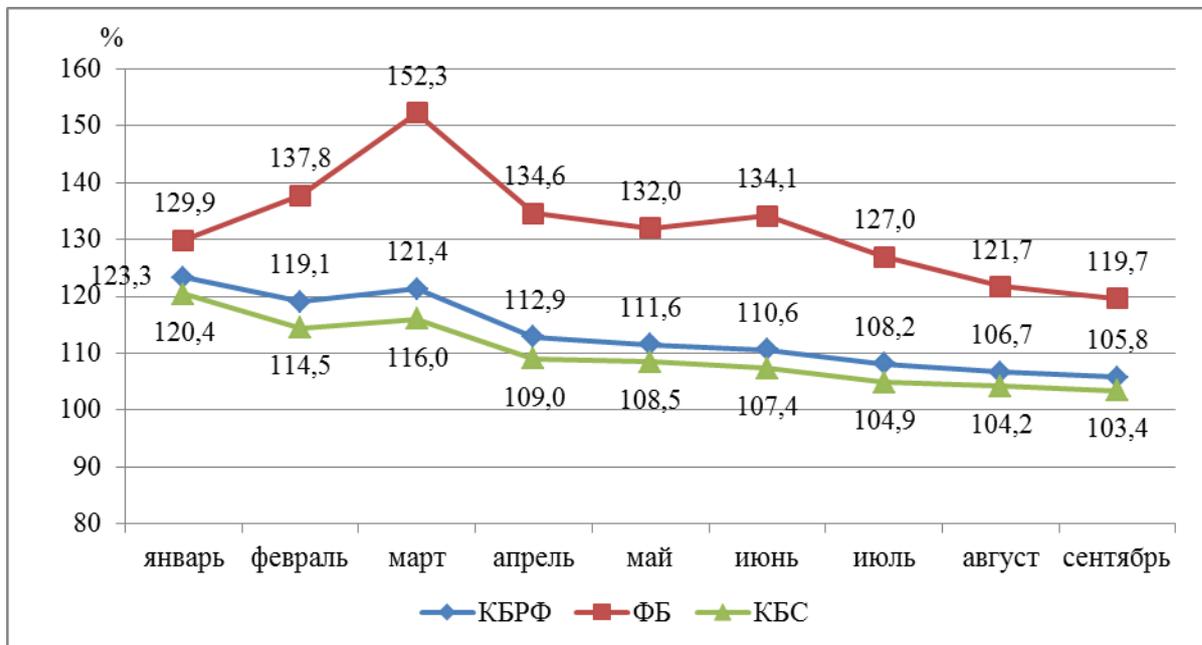
Результаты анализа динамики расходов на культуру³ по уровням бюджетной системы за 9 месяцев 2020 г. по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (рис. 1) показали, что, несмотря на рост расходов в номинальном выражении, его темпы замедляются и наиболее сильно из-за последствий эпидемии пострадали региональные бюджеты. Доля расходов на культуру в общих расходах соответствующего бюджета также сократилась (рис. 2).

Анализ отчетов об исполнении консолидированных бюджетов субъектов РФ в части расходов на культуру показал заметную дифференциацию регионов. По итогам 9 месяцев 2020 г. сокращение расходов на культуру по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. наблюдалось в 21 субъекте РФ, а расходов на предоставление субсидий бюджетным, автономным учреждениям и иным НКО в сфере культуры – в 29. При этом доля расходов на культуру сократилась в 78 регионах.

³ Данные по подразделу 0800 бюджетной классификации расходов бюджетов.

Рис. 1

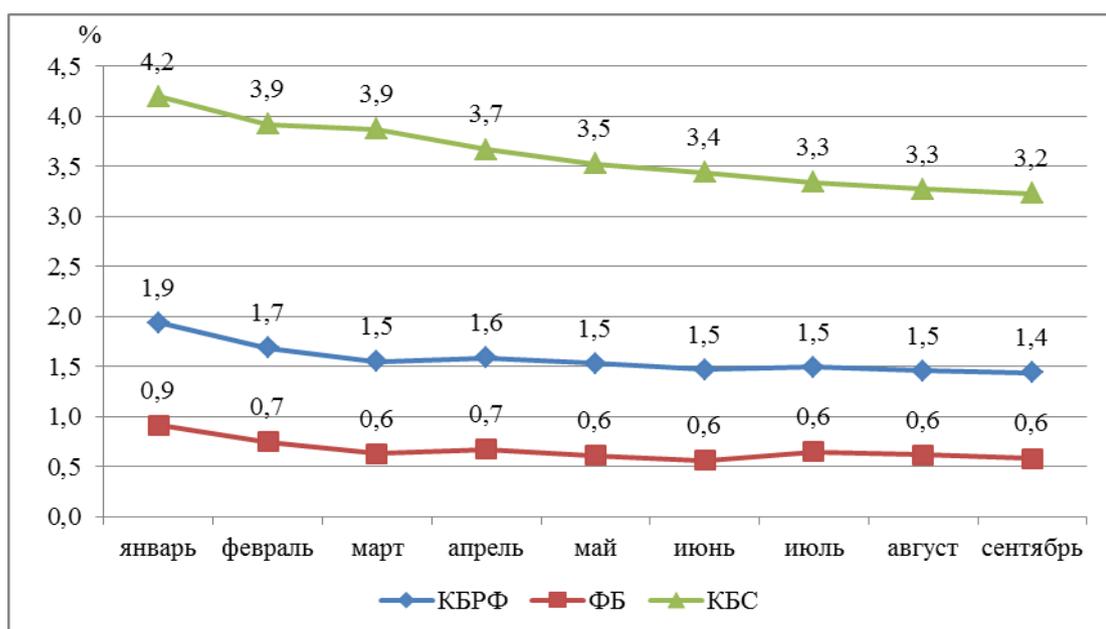
Динамика темпа роста расходов на культуру в 2020 г. по уровням бюджетной системы по сравнению с аналогичным периодом прошлого года

* КБРФ – консолидированный бюджет РФ, ФБ – федеральный бюджет, КБС – консолидированные бюджеты субъектов РФ)

Рис. 2

Динамика доли расходов на культуру в общих расходах бюджета соответствующего уровня бюджетной системы в 2020 г.

Анализ динамики объемов ВВП на душу населения (в постоянных ценах) и доли расходов домохозяйств на организацию отдыха и культурные мероприятия в общих расходах домохозяйств показал, что она во многом совпадает. Это свидетельствует о высокой чувствительности этих расходов к кризисным явлениям в экономике России. При увеличении благосостояния страны в целом растет благосостояние граждан, и, наоборот, с обострением экономического кризиса сокращаются расходы домохозяйств на организацию отдыха и культурные мероприятия.

Таким образом, учитывая прогнозы о дальнейшем падении ВВП, расходы домохозяйств на организацию отдыха и культурные мероприятия неизбежно будут сокращаться. Как следствие, доходы организаций культуры и внебюджетные доходы государственных и муниципальных учреждений культуры также будут сокращаться.

Анализ динамики численности работников организаций культуры по формам неполной занятости показал, что в условиях распространения коронавируса организации в сфере культуры стремились сохранить рабочие места за своими сотрудниками, но при этом они воспользовались различными формами неполной занятости. По итогам 9 месяцев 2020 г. наблюдался рост численности работников в целом по всем формам неполной занятости списочного состава на 14,2% по сравнению с 9 месяцами 2019 г. Отмечается также значительный рост численности работников списочного состава, находившихся в простое по вине работодателя и по причинам, не зависящим от работодателя и работника - в 15,7 раз (+35 658 чел.) по сравнению с 9 месяцами 2019 г.

Таким образом, учитывая накопленную отрицательную динамику показателей в сфере культуры и начало нового этапа возвращения ограничительных мер осенью этого года, можно предположить, что в дальнейшем мы увидим усугубление текущего положения в организациях. При

этом введение неполных форм занятости, как следствие, неизбежно сопровождается сокращением заработной платы работников.

Проведенное в июне 2020 г. качественное исследование подтвердило данные статистического анализа. Часть респондентов отметили, что «заработная плата сохранена в полном объеме». Однако в учреждениях со значительной долей внебюджетных средств, большая часть которых тратилась на оплату труда, заработная плата уменьшилась.

Помимо финансовых сложностей респонденты отмечали и другие проблемы, в основном технические, связанные с переходом в онлайн формат предоставления услуг, а также отсутствие у ряда сотрудников условий и опыта работы в дистанционном формате. Часть экспертов высказали обеспокоенность невозможностью выполнения государственного (муниципального) задания, так как перечень услуг (работ) не предусматривает онлайн-работы и онлайн услуги.

С июня 2020 г. региональные власти субъектов РФ начали снимать часть ограничительных мер, введенных из-за коронавирусной инфекции: заработали музеи, парки, библиотеки, зоопарки. Однако, уже осенью они снова начали вводиться, поэтому рассчитывать на внебюджетные доходы учреждениям культуры в этом году вряд ли возможно.

В сложившейся ситуации для развития альтернативных вариантов предоставления услуг целесообразно:

- внести в базовый перечень услуг и работ в сфере культуры услуги, предоставляемые в онлайн формате;
- предусмотреть возможность внесения в госзадания учреждений культуры еще одного показателя – посещение онлайн мероприятий учреждения. В совокупности показатель посещаемости оффлайн и онлайн мероприятий учреждения наиболее полно отразит доступность услуг учреждений культуры населению. Данным показателем рекомендуется также дополнить целевые индикаторы

Национального проекта «Культура». Кроме того, предлагается рассмотреть вопрос о введении еще одного целевого показателя – доступность услуг учреждений культуры;

- предусмотреть на базе учебных организаций курсы подготовки, переподготовки кадров для работы с интернет-сервисами;
- привести материально-техническую базу учреждений культуры в соответствии с новыми условиями предоставления услуг.

Брызгалин В. А.
МГУ имени М.В. Ломоносова
Аспирант

ВЛИЯНИЕ ЗАКРЫТОГО СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

Тема влияния социального капитала и культуры на экономику в настоящий момент привлекает внимание экономистов во всем мире. Значительные успехи были достигнуты в данной области: появились способы измерения ценностей и поведенческих установок, разработан статистический инструментарий для выявления и оценки эффектов культуры. Многочисленные исследования позволяют говорить о существовании влияния переменных, связанных с социальным капиталом и культурой, на экономические результаты (Alesina & Giuliano, 2015; Algan & Cahuc, 2014; Guiso et al., 2011).

Однако, несмотря на обширный объем работ в данной области, сложности теоретического и эмпирического характера оставляют открытыми ряд вопросов. Во-первых, в литературе уделяется недостаточное внимание переменным, относящимся к закрытому социальному капиталу – ценности и поведенческие установки, распространяющиеся на определенную социальную группу и способствующие преодолению «проблемы безбилетника» в ней. Основное внимание в рамках этого вопроса уделяется в настоящий момент роли в экономике семейных уз (family ties) (Alesina & Giuliano, 2010). Однако в экономической литературе (в отличие от, например, социологической) составляющие закрытого социального капитала рассматриваются редко (Patulny & Svendsen, 2007). Зачастую за полем зрения остаются переменные, отражающие другие формы закрытого социального капитала (например, доверие ограниченному кругу людей).

Во-вторых, литература о влиянии культуры на экономическое развитие в основном предполагает наличие гомогенного эффекта - то есть, универсальном влиянии культуры в разных странах и территориях. В то же время все чаще эмпирические и теоретические исследования постулируют наличие гетерогенного эффекта: ситуации, при которой эффект от явления (в том числе культуры) обусловлен действием третьего фактора. В частности, появляются свидетельства о роли институциональной среды в определении характера влияния социального капитала (Algan & Cahuc, 2014; Durlauf & Fafchamps, 2004). Наличие сильной правовой системы и внешних механизмов информента может определять экономический эффект доверия и иных ценностей и поведенческих установок. На теоретическом уровне все чаще появляются работы, демонстрирующие коэволюционное развитие социального капитала и институтов (Aghion et al., 2010; Kumar & Matsusaka, 2009; Tabellini, 2008), однако на эмпирическом уровне исследований о трехсторонней связи между социальным капиталом, институтами и экономическим развитием на данный момент мало. Роль закрытого социального капитала на экономический рост при разном качестве институтов рассматривается впервые.

Основной целью исследования являлась оценка влияния закрытого социального капитала на экономический рост и выявление ключевых каналов данного процесса. Были получены следующие ключевые результаты:

1. Выделены показатели, которые могут использоваться для оценки запасов закрытого социального капитала в обществе

2. Предложен новый эмпирический способ оценки влияния переменных закрытого социального капитала на экономическое развитие при наличии гетерогенности эффекта (например, в зависимости от институциональных условий)

3. Эмпирически показано, что закрытый социальный капитал препятствует экономическому росту только в условиях высокого качества

институциональной среды, в то время как при плохом качестве институциональной среды закрытый социальный капитал не является сдерживающим фактором экономического роста.

Результаты были получены на основе базы по регионам мира, собранной автором. Данные из Всемирного обследования ценностей и Европейского обследования ценностей (WVS/EVS) были детализированы до уровня регионов, а сами регионы были смэтчены с панельной базой данных по регионам мира из (Gennaioli et al., 2014). В результате была получена база данных по культурным и социально-экономическим показателям по 1321 региону из 69 стран. По большинству регионов в баз доступны данные в динамике, самые ранние наблюдения – 1981 год, самые поздние – 2010 .

При анализе данных использовался метод difference-in-difference. Для этого среди всех стран были отобраны только те, которые в определенный момент времени испытали резкое улучшение (ухудшение) качества институциональной среды. В них оставлялись только данные за период резкого изменения качества институциональной среды и за предшествующий ему. Это позволило трактовать изменение институциональной среды в стране как экзогенный по отношению к культуре в регионах шок (фактически, воссоздавая ситуацию квази-естественного эксперимента в эмпирическом смысле понятия). В результате в регрессиях были учтены как страновые, так и временные эффекты.

Показано, что резкое улучшение институциональной среды приводит к более медленному росту в регионах с более высоким значением семейных уз (одному из ключевых показателей закрытого социального капитала). При резком ухудшении институциональной ситуация меняется на противоположную (однако коэффициенты не значимы на статистическом уровне). При резком ухудшении институциональной среды бондинговое доверие (другой показателей закрытого социального капитала) также оказывает положительное

влияние на экономический рост, что позволяет говорить об устойчивости результата. Использование альтернативных эмпирических моделей дает тот же вывод.

Полученные результаты позволяют уточнить превалирующее ранее убеждение об универсальном отрицательном влиянии закрытого социального капитала (и семейных уз в частности) на экономический рост. Полученные результаты открывают возможности по прогнозированию экономических эффектов от изменения институциональной среды на территориях с разным запасом закрытого социального капитала.

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ КУЛЬТУРЫ

Экономика культуры – это экономический компонент культуры как сферы жизнедеятельности человека. В соответствии с современным подходом к определению, культура рассматривается не как отдельное направление, а призвана, с одной стороны, сохранить все то, что определяет идентичность человека, обеспечить духовный стержень, формировать необходимые ценности для гармоничной адаптации человечества к стремительным изменениям, а с другой стороны – реагировать на эти изменения, “подсвечивать” основные проблемы и направления для развития.

В течение продолжительного времени в России сфера культуры была объектом государственного управления – органы государственной власти обеспечивали формирование творческой интеллигенции, создание продуктов культуры, занимались вопросами реализации продуктов культуры. В современной истории России, в результате развития рыночной экономики, рыночные принципы управления неизменно затронули и сферу культуры, особенно сферу массовой культуры. Однако в целом эта отрасль, и государственные учреждения культуры, которые составляют ее большую часть, сложно подвергаются внедрению изменений – это касается как подходов к финансированию, так и решению кадровых задач, выстраивания взаимодействия с населением – потребителями культурных продуктов. В случае, если необходимые инновации в экономику культуры не будут внедрены, сфера культуры может проиграть борьбу за время и внимание человека, особенно детей и молодежи, что недопустимо в свете того, какую важнейшую

социальную функцию она реализует. Актуальность заявленной темы также подтверждается и тем, что несмотря на то, что культура относится к непродуцирующей сфере общественных отношений, она может и должна быть сферой генерирования дохода.

Сфера культуры традиционно представлена следующими субъектами – это театры, концертные организации и творческие коллективы, организации циркового искусства, музеи, культурно-досуговые учреждения, библиотеки, организации креативной индустрии. Сегодня это не только государственные учреждения культуры, а также и негосударственные – коммерческие и некоммерческие организации, относящиеся по основным видам экономической деятельности к сфере культуры, а также самозанятые граждане – авторы, художники, ремесленники, фотографы, другие. В составе коммерческих организаций начали появляться организации сферы культуры нового статуса – социальные предприятия.

Автором было проведено исследование негосударственных учреждений сферы культуры Республики Татарстан за период 2015 – 2019 годы по следующим показателям: демография организаций, распределение по направлениям деятельности, средняя заработная плата сотрудников, организационно-правовые формы. Автор пришел к выводу о том, что негосударственные организации культуры начинают оказывать все большее влияние на сферу культуры. Таким образом государственные органы исполнительной власти не могут рассматривать негосударственные предприятия культуры за пределами своей социальной политики. Негосударственные предприятия культуры следует рассматривать в качестве союзников и активных участников социальной политики, а также источником новых знаний о возможных способах экономики культуры.

Автором был проведен опрос среди руководителей негосударственных предприятий сферы культуры, направленный на выявление актуальных мер

государственной поддержки их деятельности. Среди основных таких мер респондентами были названы следующие: льготные условия по аренде, участие в государственном заказе, грантовая поддержка, предоставление беспроцентных займов, составление единого реестра учреждений культуры, включение негосударственных учреждений в культурные маршруты региона.

Вместе с тем государственные учреждения культуры сталкиваются со следующими вызовами:

- необходимость трансформации принципов управления;
- необходимость пересмотра характера взаимодействия с клиентами (существенно изменился портрет потребителя, характер его экономического и социального поведения);
- создание универсальных многофункциональных пространств учреждений культуры (каждый отдельный потребитель находит в пространстве свое место);
- возрастание роли и ценности не массовых, а локальных культурных продуктов (тренд на глобализацию сменяется трендом на ценность локальных сообществ, сохранение и развитие идентичности, потребитель все больше привыкает к персонализированное потребление, удовлетворяющее его особые индивидуальные потребности);
- выстраивание долгосрочных и удобных для потребителя коммуникаций: on-line и off-line;
- необходимость пересмотра трудовых отношений с сотрудниками сферы культуры (внедрение неполных рабочих дней, возможность удаленной работы, оплата не по отработанному времени, а по результату);
- налаживание новых каналов реализации продуктов культуры.

Реализация указанных мер позволит повысить эффективность и привлекательность государственных учреждений культуры и задаст контуры для дальнейших более глубоких исследований обозначенной темы.

Сессия 2. Финансирование и оценка деятельности в сфере культуры

Молчанов И. Н.

МГУ имени М.В. Ломоносова,

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Москва

ФИНАНСОВЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ КУЛЬТУРЫ

Функционирование некоммерческих организаций культуры на микроуровне зависит как от результатов бюджетного финансирования, так и от коммерческой деятельности самих хозяйствующих субъектов. Основой финансового обеспечения некоммерческих организаций культуры служат бюджетные средства, однако, допускается сочетание с внебюджетными источниками [1]. Существуют различные варианты определения объемов бюджетных средств, необходимых для сохранения и развития культуры: исходя из численности населения и нормы подушевого финансирования; в % от создаваемого национального дохода; в % от общей суммы бюджетных расходов.

В условиях проявления всеобщего закона возвышения потребностей достаточно непросто обеспечивать расширяющиеся запросы населения в услугах культуры. Положение осложняется в периоды макроэкономической нестабильности. Ситуацию в текущем периоде осложняет пандемия COVID-19. Организации культуры чувствительно реагируют на возникновение кризисных ситуаций, изменение конъюнктуры финансовых рынков. Недостаток финансовых ресурсов приводит общество к осознанию целесообразности создания благотворительных некоммерческих организаций и принципиально нового сегмента финансового рынка - рынка целевых капиталов. В этих целях необходимо формирование соответствующего финансового механизма.

Изучение российского и зарубежного опыта деятельности некоммерческих благотворительных фондов свидетельствует, что для развивающегося в различных странах мира движения благотворительности характерны сходные тенденции. Благотворительные организации наращивают целевой капитал, который работает как специализированный инвестиционный фонд; его объем формируется из различных видов финансовых ресурсов. В результате успешного управления целевым капиталом образуются доходы, которые находят применение в благотворительной деятельности.

Устойчивое функционирование благотворительной организации обеспечивается действующей нормативной правовой базой [2; 3], информационной прозрачностью, выбором соответствующих установленным целям деятельности финансовых рычагов и стимулов, учетом экономических интересов участников процесса кругооборота денежных средств. Комплексность финансирования объекта управления достигается посредством задействования финансового механизма: происходит объединение рыночного и государственного регулирования процесса формирования финансовых ресурсов из различных источников их образования в целях дальнейшего эффективного использования.

По своей сути благотворительные организации, функционирующие в сфере культуры, являются некоммерческими: они не преследуют целей, характерных для коммерческой деятельности; не аккумулируют прибыль с целью ведения бизнеса, а также не привлекают финансовые ресурсы в интересах собственного развития. Их ключевая функция состоит в формировании целевого капитала и аккумулировании финансовых средств с последующим перераспределением среди нуждающихся в благотворительной помощи организаций культуры. Благотворительные организации выступают как посредники между благотворителями и акцепторами благотворительной помощи, используют при этом финансовый механизм, основанный на

фандрайзинговой деятельности и могут создаваться в различных организационно-правовых формах: общественной организации, фонда, учреждения. Систематизированный учет благотворительных организаций (как и некоммерческих организаций культуры в целом) осуществляется отделом по делам некоммерческих организаций при Министерстве юстиции Российской Федерации.

Благотворительным организациям в практической деятельности следует уделять особое внимание вопросам соблюдения законодательства при формировании и функционировании фондов целевого капитала. Из всего разнообразия путей аккумулирования денежных средств именно целевой капитал является наиболее доступным и надежным финансовым инструментом долгосрочного планирования. В этой связи одна из главных проблем, ограничивающих расширение практики применения механизма эндаумент-фондов, состоит в недостатке информации об особенностях их формирования и функционирования. Существуют потребности в дальнейшем развитии законодательства, обеспечении заинтересованных сторон (юридических и физических лиц) специальными методическими материалами (например, целевые капиталы создаются по разным основаниям, и поэтому попадают в сферу деятельности разных ведомств; достаточно сложно уложиться в срок, официально отведенный на формирование целевого капитала, и др.).

Для обеспечения устойчивой работы некоммерческих благотворительных организаций важной мерой является повышение прозрачности их финансово-хозяйственной деятельности. В этой связи целесообразно практиковать структурирование отчетности благотворительных организаций как по каналам поступления, так и по получателям расходованных средств. Существуют рекомендации по применению прогрессивных систем учета, позволяющие повысить прозрачность финансовых операций. На конечные результаты функционирования благотворительных организаций оказывает влияние

действующая нормативная правовая база. Работа по ее упорядочению позволит создать благоприятные условия для расширения собственной экономической деятельности некоммерческих организаций культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон "О некоммерческих организациях" от 12.01.1996 N 7-ФЗ (последняя редакция).
2. Федеральный закон "О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)" от 11.08.1995 N 135-ФЗ (последняя редакция).
3. Федеральный закон "О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций" от 30.12.2006 N 275-ФЗ (последняя редакция).

Ксынкина Г. М., к.э.н.,
Центр креативной экономики НИУ ВШЭ
Москва

МОДЕЛИ СОФИНАНСИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЕКТОВ И СОЗДАНИЯ ТВОРЧЕСКИХ ПРОДУКТОВ ЗА СЧЕТ БЮДЖЕТОВ РАЗНЫХ УРОВНЕЙ

Достижение целей государственной политики в сфере культуры – повышение качества и разнообразие культурной жизни, а также обеспечение доступности культурных благ для всего населения страны – невозможно без создания новых проектов и творческих продуктов, что требует существенных финансовых затрат. В условиях дефицита средств возрастает актуальность вопроса софинансирования культурной деятельности за счет средств из различных источников, в частности, из бюджетов разных уровней.

Более половины ассигнований на всех уровнях бюджета (61,5-66,0%) направляется на предоставление субсидий бюджетным, автономным учреждениям и иным некоммерческим организациям в целях оказания государственных (муниципальных) услуг (выполнения работ). Бюджетным кодексом РФ установлен принцип подведомственности расходов бюджетов, в соответствии с которым получатели бюджетных средств вправе получать бюджетные ассигнования и лимиты бюджетных обязательств только от главного распорядителя (распорядителя) бюджетных средств, в ведении которого они находятся, а главные распорядители (распорядители) бюджетных средств, в свою очередь, не вправе распределять бюджетные ассигнования и лимиты бюджетных обязательств распорядителям и получателям бюджетных средств, не включенным в перечень подведомственных им распорядителей и получателей бюджетных средств.

Одновременно действующая нормативная правовая база позволяет в ряде случаев осуществлять софинансирование культурных проектов за счет бюджетов разных уровней.

Базовой (основной) моделью софинансирования культурного проекта за счет бюджетов разных уровней является выделение субсидии из бюджета одного уровня на софинансирование проекта, финансируемого из бюджета другого уровня. Объемы таких субсидий (межбюджетных трансфертов) в расходах на культуру составляют 8,4% в расходах федерального бюджета, 13,7% - в расходах субъектов РФ, 5,7% - в расходах муниципальных образований. Средства, полученные из бюджетов других уровней, в общем объеме бюджетного финансирования учреждений культуры составляют: театры – 4 %, концертные организации – 1,9 %, музеи – 2,3 %, библиотеки – 6,5%, культурно-досуговые учреждения – 10,8 %. В разрезе субъектов РФ, муниципальных образований и учреждений культуры эти показатели существенно разнятся.

Ряд направлений софинансирования культурных проектов из бюджетов разных уровней закреплён напрямую непосредственно законодательством (например, органы государственной власти субъекта РФ вправе оказывать поддержку организациям народных художественных промыслов, перечень которых утверждается уполномоченным Правительством РФ федеральным органом исполнительной власти, а также участвовать в финансировании мероприятий по: сохранению и популяризации объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), находящихся в федеральной собственности; государственной охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) федерального значения; реконструкции, техническому перевооружению и капитальному ремонту расположенного на территории субъекта РФ имущества, находящегося в федеральной собственности и закреплённого на праве хозяйственного ведения либо оперативного управления за государственными цирками).

В большинстве случаев софинансирование культурных проектов из бюджетов разных уровней осуществляется в рамках государственных и муниципальных программ развития культуры, что связано с тем, что подавляющая часть бюджетного финансирования культуры в настоящее время осуществляется в рамках этих программ. При этом достигается адресность и точечный характер выделения межбюджетных трансфертов - субсидии направляются на решение конкретных задач. Государственные и муниципальные программы развития культуры охватывают широкий круг вопросов и содержат целый ряд мероприятий по созданию культурных проектов и творческих продуктов.

Основная часть межбюджетных трансфертов распределяется на конкурсной основе. При выделении субсидий, например, из федерального бюджета, в одних случаях производится отбор субъектов РФ – получателей трансфертов, в других – отбор культурных проектов, в-третьих – отбор организаций культуры. Порядок, критерии отбора получателей бюджетных средств и объемы софинансирования устанавливаются в каждом конкретном случае отдельно. Софинансирование культурных проектов из бюджетов разных уровней осуществляется на основе различных договоров и соглашений (межрегиональных двусторонних или многосторонних договоров о сотрудничестве различного, в том числе общего характера; договоров между организациями культуры разных уровней ведения; договоров между органом власти одного уровня и учреждением культуры другого уровня ведения). Широко практикуется софинансирование из бюджетов разных уровней театральные гастрольные и музейные выставочные проекты.

Софинансирование культурных проектов осуществляется не только в прямой, но и в косвенной форме. Так, например, грант, полученный учреждением культуры из бюджета другого уровня, нередко покрывает, казалось бы, все необходимые при реализации культурного проекта расходы.

Однако и в этом случае бюджет того уровня, в ведении которого находится учреждение, как правило, несет косвенные расходы, которые могут заключаться в предоставлении учреждению имущества на праве оперативного управления или в безвозмездное пользование, налоговых и таможенных льгот, льготных тарифов на коммунальные услуги и т.д.

Многоканальная модель финансирования культуры является единственно адекватной текущим вызовам и задачам культурной политики. Модели софинансирования культурных проектов, в том числе из бюджетов разных уровней, требуют своего дальнейшего развития с учетом следующих тенденций:

изменение роли государства – отказ от прямого управления культурой с передачей широкого круга полномочий общественным фондам. Аккумуляция средств из бюджетов разных уровней фондами с последующим осуществлением поддержки культурных проектов;

расширение практики грантовой поддержки культурных проектов и использования механизмов партнерства на основе смешанного государственно-частного финансирования;

выделение бюджетных грантов на условиях встречного и долевого финансирования;

возрастание роли регионального и локального уровня в финансировании организаций культуры и культурных проектов;

утверждение некоммерческого сектора как истинного партнера в проведении государственной культурной политики и финансовом обеспечении организаций сферы культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. N 145-ФЗ

2. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 N 3612-1).

3. Распоряжение Правительства РФ от 31 января 2019 г. N 117-р «Об утверждении Концепции повышения эффективности бюджетных расходов в 2019–2024 гг.».

4. Музычук В.Ю. Должно ли государство финансировать культуру? М.: Институт экономики РАН, 2012.

5. Рубинштейн А.Я. Опекаемые блага в сфере культуры: признаки и последствия «болезни цен». М.: Институт экономики РАН, 2012.

6. Шишкин С.В. Экономика социальной сферы: Учебное пособие. М.: ГУ ВШЭ, 2003.

7. Якобсон Л.И. Экономика общественного сектора. Основы теории государственных финансов. М.: Аспект-Пресс, 1996.

Сессия 3. Культурное наследие в регионах России

Шульгин П. М., Штеле О. Е.

Институт социальной политики НИУ ВШЭ

Москва

СТРАТЕГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО КАРКАСА СТРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В КАЧЕСТВЕ ДРАЙВЕРА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Культурное наследие рассматривается как один из экономических ресурсов и как возможный потенциал развития ряда российских регионов. Анализ современного состояния культурного наследия и проблем его использования свидетельствует о необходимости разработки новых стратегических подходов к реализации этого важного потенциала страны.

Предложена стратегия формирования культурного каркаса страны на базе разнообразных историко-культурных территорий. Этот культурный каркас сможет стать организационной и экономической основой использования наследия, а реализация подобного подхода позволит сформировать новый драйвер социального и экономического развития российских регионов, создать основу своеобразной специализации малых исторических городов и исторических сельских поселений на развитии культуры и использовании культурного наследия. Такой путь пройден многими развитыми в экономическом отношении странами. Культурное наследие там становится значимым фактором развития малых исторических городов и достопримечательных мест, дает мощный импульс развитию инфраструктуры, туризма, других видов деятельности. В России становление культурного

наследия в виде градообразующей функции и драйвера развития региональной экономики только начинает проявляться.

Проблема грамотной организации использования памятников истории и культуры является важнейшей с точки зрения реализации потенциала культурного наследия в качестве драйвера развития местной экономики. Зарубежный опыт ряда стран (прежде всего, США) показывает эффективность создания государственной системы национальных парков, включающей различного вида территории и объекты как культурного, так и природного наследия. Система национальных парков в США включает несколько тысяч объектов на федеральном, региональном и муниципальном уровнях (только на федеральном уровне насчитывается более 400 объектов). Объекты, входящие в эту систему, различны по своей типологии и включают как территории культурного, так и природного наследия (национальные заповедники, исторические парки, военные парки, мемориалы, зоны отдыха и пр. – всего свыше 20 категорий). Общая посещаемость только национальных парков федерального уровня достигла почти 400 млн человек в год.

В Российской Федерации стратегически целесообразно формирование культурного каркаса на базе разнообразных историко-культурных территорий: исторические города, исторические сельские поселения, усадебные комплексы, поля битв, исторические пути и дороги, исторические производственные территории, этно-экологические территории, археологические территории и др., основываясь при этом, прежде всего, на зарекомендовавшей себя в условиях нашей страны такой форме организации использования культурного наследия, как музеи-заповедники. Также необходим поиск новых эффективных подходов по применению других организационных форм использования наследия (на базе национальных парков, исторических городов, других типов историко-культурных территорий).

Подобный каркас позволит четко выявить самобытный культурный образ различных регионов, он станет основой организации региональных и межрегиональных туристских маршрутов. Узлы или центры этого культурного каркаса станут яркими местами притяжения посетителей, центрами туристского и социально-культурного развития. Развивая различные формы использования наследия, привлекая туристов и экскурсантов, они будут способствовать формированию инфраструктуры, различных учреждений сферы обслуживания, смогут стимулировать развитие производственных отраслей (реставрационной, строительной, сельского хозяйства и др.), обеспечивать создание новых рабочих мест.

В работе рассмотрены:

- конкретные подходы к формированию культурного каркаса на территории Российской Федерации в целом,
- примеры возможного формирования культурного каркаса в рамках субъекта федерации,
- конкретные расчеты социальной и экономической эффективности реализации этих принципов для небольших исторических населенных пунктов.

Предполагается, что перспективная стратегия использования культурного наследия, ориентированная на формирование культурного каркаса страны, сможет принести следующие основные результаты.

Стратегия позволит реализовать новые возможности в социальном развитии провинции. Будущие узлы культурного каркаса, сформированные на базе историко-культурных поселений и территорий, возьмут на себя функции центральных мест обслуживания для окружающей территории и местного населения. Более 400 небольших региональных центров получат новый импульс экономического развития (в настоящее время всего лишь не более 20–30 малых поселений активно используют этот фактор).

Будут созданы новые экономические условия для развития небольших провинциальных центров (малых городов и даже сельских населенных пунктов), реализация стратегии позволит создать в российской провинции (причем, в достаточно депрессивных ее регионах) дополнительно 350–400 тыс. новых рабочих мест.

Еще одним результатом стратегии станет достижение уровня развитых стран по использованию культурного наследия. Формирование сети историко-культурных центров достигнет величины, сопоставимой по уровню насыщения с развитыми в этом отношении странами, что обеспечит достойное сохранение национального наследия, его активное использование гражданами страны и зарубежными туристами. За счет этого фактора будет обеспечено почти трехкратное увеличение внутреннего туристского потока, и будут созданы новые возможности для увеличения и территориального разнообразия потока зарубежных туристов.

Общая величина вклада от реализации данной стратегии во внутренний валовой продукт, учитывая произведенную продукцию и услуги, стимулирование инвестиций в развитие инфраструктуры и производственной деятельности, может составить около 1 % ВВП.

Лимонов Л. Э., Несена М. В.
НИУ ВШЭ
МЦСЭИ «Леонтьевский центр»
Санкт-Петербург

**ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОЕКТОВ СОХРАНЕНИЯ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ МЕТОДОМ COST-BENEFIT АНАЛИЗА
(НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТОВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ И В РЯДЕ
ИСТОРИЧЕСКИХ ГОРОДОВ РОССИИ)**

Согласно современной международной практике в рамках технико-экономического обоснования любого крупного инвестиционного проекта, выполняемого на средства государственных грантов, а также грантов, финансируемых международными организациями (ЕС, Всемирным Банком и др.), необходимо провести оценку его эффективности (efficiency) с помощью финансового и экономического анализа.

В России до недавнего времени мероприятия по сохранению культурного наследия финансировались из государственного бюджета без обоснования их эффективности на этапах подготовки и завершения. Между тем вопросы использования объектов культурного наследия должны рассматриваться и с экономической, и с финансовой точек зрения как в контексте генерирования доходов для сохранения этих объектов и устойчивого функционирования использующих их учреждений культуры, так и в более широком плане - в плане развития туризма, способствующего социально-экономическому развитию соответствующих территорий. Например, для ряда малых исторических городов России, утративших промышленный потенциал в ходе постсоветской трансформации, развитие культурно-познавательного туризма на основе реставрации, сохранения и нового использования имеющихся у них памятников культуры зачастую рассматривается в качестве важнейшего источника

возрождения этих городов и социально-экономического развития местных сообществ. Поэтому в российской практике назрела необходимость в экономической оценке проектов, связанных с культурным наследием. Отсутствие практического опыта, широкого обсуждения подходов в академической среде и соответствующего накопления знаний в области экономики культурного наследия (economics of cultural heritage), а также пробелы в методической литературе, в частности в «Методических рекомендациях по оценке эффективности инвестиционных проектов» (2000), указывают на то, что следует обратиться к лучшей международной практике и на ее основе разработать подходы к проектам и программам, которые реализуются в России.

При проведении финансового анализа проекта необходимо соотнести финансовые затраты и финансовые выгоды, которые рассматриваются с точки зрения экономического агента, предоставляющего товары и услуги по проекту. В рамках же экономического анализа рассматриваются все выгоды и затраты, возникающие в результате реализации проекта для населения, делового сообщества и государства, учтенные в денежном выражении. Поэтому метод «затраты - выгоды», используемый для оценки эффективности проектов в экономическом анализе, называется еще социальным анализом «затраты - выгоды».

В общем случае затраты и выгоды по проекту определяются следующим образом. Затраты проекта измеряются альтернативными издержками (opportunity costs) - стоимостью товаров и услуг, которые были бы произведены рассматриваемыми ресурсами (земля, рабочая сила и капитал) при отсутствии интервенции. Если рассматриваемые ресурсы не предполагаются к альтернативному использованию, в качестве затрат рассматриваются непосредственные затраты по проекту.

Выгоды от проекта измеряются стоимостью дополнительных продуктов, созданных в результате его реализации. Валовая стоимость результатов проекта измеряется суммой, которую потребители готовы за них заплатить. Рыночные цены являются мерой такой «готовности платить», если рассматриваемые рынки эффективны и произведенные продукты представляют собой материальное благо. Оценка «готовности платить» усложняется, если рассматриваемые рынки не являются эффективными (присутствуют экстерналии, монополии, асимметрия информации и т.д.). В таких случаях используются «скрытые» цены (shadow prices). Также рыночные цены невозможно использовать в качестве оценки «готовности платить», если произведенное в результате проекта благо является общественным, т.е. имеет нерыночную ценность.

Именно со вторым обстоятельством связана сложность оценки проектов сохранения культурного наследия. В частности, в рассматриваемых в докладе проектах продукты и услуги сферы культуры, а также результаты благоустройства городов имеют нерыночную ценность, поскольку являются общественным благом. Для оценки спроса в таких случаях применяют методы или «заявленного предпочтения» (stated preference), или «выявленного предпочтения» (revealed preference). Метод выявленного предпочтения позволяет получить оценки «готовности платить» (willingness to pay) за продукты сферы культуры на основе реальных рыночных наблюдений, например учитывая стоимость входной платы в музеи. Оценки «готовности платить» на основе заявленного предпочтения можно получить, например, методом условной оценки, который требует проведения социологического опроса. Идея метода состоит в том, что гражданам предлагается сценарий, предполагающий качественные и количественные изменения общественного блага, и затем их напрямую спрашивают, сколько они были бы готовы пожертвовать на реализацию предлагаемых улучшений. Полученная методом

условной оценки «готовность платить» применяется для расчетов выгод от использования культурного наследия, продуктов сферы культуры, благоустройства городских общественных пространств.

Доклад посвящен проблемам обоснования государственных инвестиций в проекты сохранения культурного наследия. В качестве кейса рассматриваются проекты «Сохранение и развитие малых исторических городов и поселений России» и «Экономическое развитие г. Санкт-Петербурга», выполняемых Минкультуры России с привлечением средств международных финансовых организаций. В ходе подготовки первого из этих проектов и оценки результатов второго осуществлялись оценки чистой экономической приведенной стоимости, результаты которых позволили обосновать целесообразность государственного финансирования этих проектов. При выполнении экономического анализа методом «затраты - выгоды» возникает необходимость в проведении опросов разных целевых групп потенциальных пользователей результатов проектов о «готовности платить» за предлагаемые улучшения. Опросы проводились методом условной оценки. При подготовке проекта «Сохранение и развитие малых исторических городов и поселений России» - в двух исторических городах: Ростове Великом и Чистополе. При подготовке проекта «Экономическое развитие г. Санкт-Петербурга» - в учреждениях культуры-участниках проекта (опросы посетителей), а также опросы жителей Санкт-Петербурга и России по репрезентативной выборке (опросы не-пользователей). В докладе обсуждаются методические аспекты оценки эффективности государственных инвестиций в российской и зарубежной практике и представлены результаты проведенных опросов и расчетов показателей рассматриваемых проектов. Как показали расчеты, на федеральном уровне оба проекта являются обоснованными с точки зрения общества, поскольку имеют положительную экономическую чистую приведенную стоимость и

экономическую внутреннюю норму доходности, превышающую социальную норму дисконтирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мельников Р.М. (2016). Оценка эффективности общественно значимых инвестиционных проектов методом анализа издержек и выгод: Учеб. пособие. М.: Проспект.

2. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов, утвержденные Министерством экономики РФ, Министерством финансов РФ, Государственным комитетом РФ по строительной, архитектурной и жилищной политике 21.06.1999 № ВК 477 (2000). - М.: Экономика.

3. Boardman A., Greeberg D.H., Vining A.R., Weimer D.L. (2018). Cost-Benefit Analysis: Concepts and Practice. 5th ed. Cambridge: Cambridge University Press.

4. Gleaser Ed. (2008). Social Capital and Urban Growth. NBER Working Paper 14374.

5. Hansen T. (1997). The willingness-to-pay for the Royal Theater in Copenhagen as a public good // Journal of Cultural Economics, 21, 1-28.

6. Investment Project Financing Economic Analysis Guidance Note (2013). Washington: World Bank.

7. Last A.K. (2007). The Monetary Value of Cultural Goods: A Contingent Valuation Study of the Municipal Supply of Cultural Goods in Lueneburg, Germany. University of Luneburg Working Paper Series in Economics, 63.

8. Navrud S., Ready R.C. (2002). Valuing Cultural Heritage. Cheltenham.

9. Pagiola S. (2016). Economic Analysis of Investments in Cultural Heritage: Insights from Environmental Economics. Environmental Department, Washington: World Bank.

10. The Economics of Uniqueness: Investing in Historic City Cores and Cultural Heritage Assets for Sustainable Development / Ed. by G. Licciardi and R. Amirtahmasebi (2012). Washington: World Bank.

11. Throsby D. (2003). Determining the value of cultural goods: How much (or how little) does contingent valuation tell us? // Journal of Cultural Economics, 3, 275-285.

12. Throsby C.D., Withers G.A. (1983) Measuring the demand for the arts as a public good: Theory and empirical results // Economics of Cultural Decisions / Ed. by W.S. Hendon and J.L. Shanahan. - Cambridge: Abt Books, 177-191.

Музычук В. Ю., д.э.н.
Институт экономики РАН,
Государственный институт искусствознания
Москва

СОХРАНЕНИЕ ИНДУСТРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РОССИИ: БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ...

Россия обладает уникальным культурным наследием. Сохранение культурного наследия признается одним из приоритетных направлений в реализации культурной политики современной России. Однако данное направление не нашло своего отражения в национальном приоритетном проекте «Культура», сроки реализации которого запланированы на период с 2018 по 2024 гг. Между тем в современном мире культурное наследие является значимым ресурсом социально-экономического развития. Для России встраивание процессов сохранения культурного наследия в социально-экономическую повестку представляет особую актуальность.

Тематика индустриального культурного наследия стоит особняком от общего потока исследований, посвященных сохранению культурного наследия. В отличие от признанных недвижимых памятников истории и культуры, индустриальные объекты исторической недвижимости попадают в фокус фундаментальных исследований существенно реже. И если за рубежом индустриальное наследие комплексно и всесторонне исследуется с 70-х гг. прошлого века, то в России эти исследования носят фрагментарный характер. Несмотря на общие проблемы сохранения культурного наследия, индустриальное наследие имеет свои специфические особенности как экономического, так и правового характера.

Прежде всего речь идет о критериях, по которым те или иные объекты промышленной архитектуры и инфраструктуры могут быть отнесены к

индустриальному наследию. Постройку Петровского дока в Кронштадте (1752 г.) от создания Шуховской башни на Шаболовке (1922 г.) разделяют 170 лет, но оба объекта являются ярчайшими образцами индустриального культурного наследия России. В этой связи особую актуальность представляет определение статуса и разработка типологии объектов индустриального наследия. Попытка десятилетней давности по проведению инвентаризации индустриального наследия России, к сожалению, не увенчалась успехом.

Помимо теоретических задач, связанных с уточнением статуса объектов индустриального культурного наследия, а также попыткой разработки типологии объектов промышленного наследия, отдельного внимания заслуживает изучение зарубежного опыта, связанного с введением этих объектов в хозяйственный оборот в соответствии с реалиями настоящего времени, а также попыткой имплементации этих практик в России с учетом отечественной институциональной среды.

Зарубежный опыт демонстрирует нам бережное и вместе с тем прагматичное отношение к историческим зданиям индустриальной эпохи, в основе которого лежит тезис о том, что «дешевле отреставрировать, чем разрушить, утилизировать отходы и заново построить». Зарубежные исследователи отмечают, что помимо аутентичности и ценностных суждений есть ряд преимуществ сохранения объектов индустриального наследия экономического характера, связанных со следующими обстоятельствами:

- построены из высококачественных и долговечных материалов;
- эффективны с точки зрения теплосбережения;
- электроэнергия, необходимая для строительства нового здания эквивалентна, по самым грубым оценкам, электроэнергии, необходимой для эксплуатации здания в течение 40 лет;
- реставрация обходится на 12% ниже, чем строительство нового здания;

- сроки реализации проекта сокращаются (временные затраты ниже до 18%).

Зарубежные исследователи отмечают, что памятники индустриальной архитектуры в большей степени привлекательны для частного бизнеса, так как: (1) имеют потенциал коммерческого использования; (2) масштабы имущественного комплекса позволяют решать разного рода производственные задачи; (3) имеют привлекательное территориальное расположение с хорошей транспортной и иной хозяйственной инфраструктурой; (4) на них распространяются менее жесткие условия охранные обязательств; (5) позволяют искать оптимальный вариант для адаптации памятника и введения его в хозяйственный оборот.

С точки зрения потенциала адаптации и коммерческого использования индустриальных памятников выделяют шесть основных направлений (в порядке убывания по частоте использования в зарубежной практике): частное проживание (личное пользование, доходные дома); индустрия гостеприимства (отели, апартаменты, рестораны, кафе); индустрия развлечений (клубы, кинотеатры, казино, дискотеки); культура и туризм (тематические музеи, музейные хранилища, галереи, выставочные пространства); офисные и торговые центры (коворкинги, сфера услуг); в целях образования (студенческие кампусы, общежития, лекционные аудитории).

Заинтересованность государства в сохранении индустриального культурного наследия выражается в социальных и экономических эффектах, получаемых обществом от эффективного использования исторических зданий промышленной архитектуры.

Среди социальных эффектов следует отметить: (1) сохранение культурного наследия в контексте его интеграции в общественную жизнь; (2) создание новых рабочих мест среди местного населения; (3) не столько реставрация объекта, сколько комплексное развитие территорий

(инфраструктура, коммуникации); (4) возрождение деструктивных территорий, снижение социальной напряженности.

С точки зрения экономических эффектов сохранения индустриального наследия можно выделить: (1) коммерческое использование повышает кадастровую стоимость земли и имущества, что приводит к росту налоговых поступлений; (2) ослабление нагрузки на государственный бюджет за счет привлечения частных средств; (3) занятость местного населения обеспечивает налоговые доходы бюджета.

Вызовы и угрозы для отечественного индустриального наследия проистекают прежде всего из некорректных установок общественного сознания (легкомысленное отношение к индустриальному наследию: 100 лет – не история!; восприятие новодела как субститута подлинника; узкий горизонт планирования: здесь и сейчас). Ситуацию усугубляет ряд обстоятельств:

- архитектура регулируется Минстроем (точнее говоря, зажата в тисках строительного ведомства);

- согласно существующим в России СНиПам очень дорогая эксплуатация крупных объектов промышленной архитектуры;

- стоимость земли под памятником индустриальной эпохи в разы выше ценности самого объекта;

- диктат девелопера («кто платит – тот и заказывает музыку»).

В результате, за очень редким исключением, потенциальные владельцы объектов индустриального наследия руководствуются тезисом: «легче снести и построить заново».

В этой связи, через выявление правовых и экономических лагун в современной российской практике требуется выработка рекомендаций по совершенствованию действующего законодательства о культурном наследии с учетом особенностей индустриального культурного наследия и получения охранного статуса.

Хаунина Е. А.
Государственный институт искусствознания,
Школа-студия МХАТ
Москва

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ (ОПЫТ МОСКВЫ И ЕВРОПЕЙСКИХ ГОРОДОВ)

Во второй половине XX века во всех развитых странах развернулась активная деятельность по изучению и сохранению индустриального наследия. Пробуждение интереса совпало с кардинальной реконструкцией промышленного производства, повлекшей уничтожение многих исторических сооружений. Перед современными городами по-прежнему остро стоит проблема придания новой ценности промышленному наследию, путем создания для общества полезного функционала и сохранения историко-культурного контекста. При разработке проектов регенерации промышленных объектов и территорий всегда необходимо достичь взаимоисключающих целей: сохранить, законсервировать или восстановить историческое здание, а второе – привести качественно новое архитектурное решение. В докладе будет обозначен широкий спектр промышленных и связанных с ними социально-культурных объектов, относимых к понятию индустриального наследия.

Методологическая основа для исследований экономики и управления индустриальным наследием в России пока только формируется (публикации Высоковского А.А. (2015), междисциплинарное исследование «Москва RE: промышленная. Типология производственных территорий и лучшие практики редевелопмента» (2018) и др.). Данные статистики по количеству ОКН, связанных с промышленным наследием, не содержат полной информации, также отсутствует открытая информация об объемах инвестиций и иных формах финансирования по реализованным проектам.

В Великобритании, Франции, Германии, Италии и др. странах, где промышленная революция началась и закончилась раньше, чем в России историко-культурный аспект такого наследия уже достаточно осмыслен на разных уровнях, что повлекло за собой реализацию успешных проектов редевелопмента заброшенных промышленных пространств. В данном докладе на примерах будут рассмотрены некоторые институциональные особенности приспособления с преобладающими социально-культурными функциями регенированных пространств: Гамбург (Эльбская филармония), Милан (Музейно-выставочный комплекс Фонда Прада), Ланс (Филиал Лувр-Ланс), Рубе (Культурный центр La Condition Publique) и др. Проекты, связанные с редевелопментом индустриального наследия всегда междисциплинальны и сопряжены с градостроительством, архитектурой, экономикой, историей и культурологией. Это накладывает дополнительные требования к органам власти, девелоперам и архитекторам. Зарубежный опыт представляет интерес с точки зрения привлечения самого широкого спектра финансовых источников, а также использованием моделей государственно-частного партнерства и концессий. Важно и то, что наряду с инвестициями, средствами города, регионов, активным образом задействовано местное сообщество, различные объединения и ассоциации, волонтеры. Культура на периферии...(2019).

В России, где сохранилось немало значимых объектов, в частности в Москве, Подмосковье, Санкт-Петербурге, на Урале и др. индустриальных центрах осознание культурной ценности промышленного наследия стало происходить в начале 80-ых годов, однако проекты по успешному редевелопменту были осуществлены только в последнее десятилетие. В Москве курс на комплексное преобразование индустриальных территорий был взят около 10 лет назад, но процесс редевелопмента все еще недостаточно хорошо изучен, отрегулирован и управляем, а профессиональное сообщество

продолжает искать оптимальные подходы к трансформации подобных территорий.

В настоящее время промышленные зоны занимают 1/5 часть Москвы в старых границах. По данным Мосгорнаследия, среди более чем 8 тыс. объектов культурного наследия Москвы – 279 объектов отнесены к промышленной архитектуре, на территории столицы расположено 83 производственные зоны, 24 из которых имеют объекты культурного наследия.

Успешный редевелопмент ряда промышленных территорий Москвы сформировал важные культурные центры столицы: Еврейский музей и центр толерантности, Музей современного искусства «Гараж», Институт русского реалистического искусства, Центр современного искусства Винзавод, Центр дизайна Artplay, Арт-кластер «Красный Октябрь», Театр «Студия театрального искусства» на территории бизнес-центра «Фабрика Станиславского» и др. В ближайшем будущем ожидается появление новые центров культуры и искусства на месте бывшего завода «ЗИЛ» с рядом музейно-выставочных пространств, амбициозный проект Центра современного искусства «ГЭС-2» на территории электростанции. Кроме того, при редевелопменте исторических промышленных территорий, перепрофилируемых в жилые и офисные комплексы, например, таких как «Голутвинская слобода», территория бывшего Бадаевского пивоваренного завода, территории Рижского грузового двора Москвы и т.п. предусматриваются пространства для развития социально-культурных компонентов. Таким образом, при регенерации промышленных зон реализуется т.н. *mixed-use* подход - тип развития среды, при котором отдельные здания, а также кварталы и районы собирают пространства разного функционального назначения — жилого, коммерческого, культурного, институционального, развлекательного. Кроме мегапроектов, особо важно, что городские и муниципальные власти начинают обращать внимание на локальные объекты индустриального наследия в разных районах – например, водонапорная башня в

городском округе Щербинка Новой Москвы будет преобразована в современный культурный центр. Социальная и культурная функции станут доминирующими в преобразованном объекте из инженерного сооружения в музейный комплекс.

В сознании многих российских девелоперов работа с объектами культурного наследия является барьером на пути к получению прибыли, при этом частные инвестиции - это один из немногих реальных источников ресурсов для сохранения и приспособления разрушающегося и исчезающего объекта промышленного наследия. Медиатором между общественными интересами (градозащитниками, жителями) и девелоперами может быть профессиональный архитектор-планировщик. Понимание того, что реорганизуемые производственные территории – это существенный ресурс, востребованный и необходимый для формирования многофункциональных пространств, размещения социально значимых объектов особенно важно развивать на региональном уровне. Промышленное наследие должно восприниматься как часть социокультурной среды обитания современного города. Важно, что в некоторых промышленных центрах Урала и Сибири не государство или общественные организации, а крупные частные металлургические компании выступают главными акторами сохранения промышленного наследия, направляя свои инвестиции в подобные проекты.

Участие государства в разных формах требуется расширять и не только в статусных столичных проектах по ревалоризации индустриального наследия. Например, пока государственные гранты и премии поддерживают только реставрацию ОКН, а сохранение и развитие остаются в стороне. Охранные функции государства при редевелопменте также не всегда реализуются в полной мере, иногда происходит частичное или полная потеря исторического духа места, при том, что конкурсные проекты предполагали сохранение отдельных реконструированных промышленных объектов.

В заключении доклада обозначены основные тренды современного реновации промышленного (индустриального) наследия:

- осознание ценности промышленной архитектуры и сохранение ее аутентичности
- высокая диверсификация привлекаемых ресурсов для финансирования проектов
- привлечение известных архитектурных бюро
- перепрограммирование пространств через культуру, науку и разные формы интерактивного взаимодействия с населением
- баланс между старым и новым, комфортом и удобством, эстетичностью и функциональностью, историей и будущим
- создание многофункциональных пространств разных возможностей без жесткого функционального зонирования
- участие общественности, привлечение жителей районов, наряду с выстраиванием туристической привлекательности территорий и объектов
- экологические факторы – максимальное снижение воздействия архитектуры на окружающую среду

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Е.В. (2017). Реновация индустриального наследия в России и в странах Западной Европы: подходы, объекты, ландшафты, акторы // Экономическая история. 2017. № 1. С. 9-23.
2. Высоковский А.А. (2015). Александр Высоковский в 3 т. Т 1. Theory. Т 2. Practice. Т3. Public. М.: Grey Matter.
3. Культура на периферии. (2019). Политика децентрализации в культурных проектах Франции. М.: Фонд Тимченко.

4. Москва RE: промышленная. (2018). Типология производственных территорий и лучшие практики редевелопмента. М.: Агентство стратегического развития «ЦЕНТР».

Сессия 4. Перспективы развития театрального искусства

Бураков Н.А.

Институт экономики РАН

Центр креативной экономики НИУ ВШЭ

Москва

КОМПОЗИТНЫЕ ФАКТОРЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ ТЕАТРОВ (ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

В теории экономического роста, использующей производственные функции типа Кобба-Дугласа [Solow, 1957; Mankiw et al., 1990], на современном этапе её развития в качестве дополнительных факторов активно изучаются такие экономические категории, как человеческий капитал и нематериальные активы [Hulten, 1979; Corrado, Hulten, Sichel, 2005; Adarov, Stehrer, 2019]. Принимая во внимание систему национальных счетов и «концепцию совокупного дохода» для отрасли культуры [Рубинштейн, Бураков, Славинская, 2020], вклад театров в экономический рост может измеряться оценкой влияния человеческого капитала (художественный персонал), нематериальных (репертуар) [Soloveichik, 2013] и материальных (театральные здания, залы и т.п.) активов на величину совокупного дохода производителей театральных благ.

Для изучения воздействия театральной деятельности на экономический рост на микроуровне в исследовании применяется концепция потенциалов [Бураков, Бухвальд, Кольчугина, 2019], согласно которой формируется совокупный театральный потенциал. Данный потенциал определяется на основе взвешенной комбинации трех композитных факторов (частных потенциалов) театральных организаций:

- зрительский потенциал;

- творческий потенциал;
- экономический потенциал.

Все первичные статистические данные, используемые для формирования композитных факторов исследования, можно разделить на 2-е группы по источникам происхождения.

I группа. В этой группе были использованы статистические данные из открытых источников баз Главного информационно-вычислительного центра Министерства культуры России и Федеральной службы государственной статистики России, и отдельных данных, полученных по запросу из соответствующих организаций.

II группа. В качестве основной базы второй группы были использованы результаты Всероссийского социологического опроса театральных зрителей, проведённого Государственным институтом искусствознания и СТД России в год театра.

На основе первичной статистики была создана уникальная база данных, содержащая чуть менее 5 млн наблюдений и включающая в себя описание 11 показателей театрального потенциала, 82 субъектов России и 10 183 мнений респондентов. Все статистические данные отражают ситуацию в театральной отрасли за 2019 год. Основным методом оценки собранной 3-ёх мерной базы данных является «multiway data analyze».

В качестве частных результатов анализа композитных факторов деятельности российских театров можно выделить возможность оценки вклада каждого показателя в зрительский, творческий и экономический потенциалы и возможность создания списка ранжирования регионов по соответствующим факторам. Используемая методика анализа данных позволила провести агрегирование частных потенциалов и найти соответствующее влияние на совокупный театральный потенциал. Интересным результатом анализа

совокупного театрального потенциала стало выявление наибольшего вклада экономического композитного фактора в развитие театральной отрасли России.

Одним из часто используемых в исследованиях показателей для определения экономического роста является валовой валовой внутренний продукт. При этом, согласно системе национальных счетов, совокупный доход театров входит в этот показатель, что даёт возможность использовать его в качестве объясняемой переменной для расчёта частного случая производственной функции театральной отрасли на микроуровне.

В докладе приводятся результаты регрессионного анализа, в котором, согласно «концепции совокупного дохода», в качестве зависимой переменной используется сумма собственного дохода театров и выделяемой учредителем субсидии, а в качестве независимых переменных используются факторы совокупного театрального потенциала. Также, в качестве проверочной модели используется вариация с показателем «количество посещений» театров в качестве объясняемой переменной.

Регрессионный анализ композитных факторов театрального потенциала позволяет говорить о заметном влиянии творческого и экономического потенциалов на экономический рост, при отсутствии подтверждённого воздействия на зависимые переменные фактора зрительской оценки.

Используемая в исследовании методология и методика измерения театрального потенциала позволила оценить вклад отдельных показателей в соответствующие частные потенциалы на основе сформированных композитных факторов и сравнить между собой уровни регионального развития театральных организаций. Также удалось оценить вклад частных театральных потенциалов в экономический рост на микроуровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бураков Н.А., Бухвальд Е.М., Кольчугина А.В. (2019) Ранжирование субъектов российской федерации на основе регионального индекса экономического развития // Федерализм. 3. Стр. 149-171.
2. Рубинштейн А.Я., Бураков Н.А., Славинская О.А. (2020) Государственное финансирование театров: доступность, цены на билеты, бюджетные субсидии. Научный доклад. - М.: Государственный институт искусствознания. 56 с. Препринт.
3. Adarov A., Stehrer R. (2019) Tangible and Intangible Assets in the Growth Performance of the EU, Japan, and the US. Wiener Institut für Internationale Wirtschaftsvergleiche (WiiW) Research Report 442.
4. Corrado C., Hulten C., Sichel D. (2005) "Measuring Capital and Technology." In Measuring Capital in the New Economy. C. Corrado, J. Haltiwanger, and D. Sichel, eds., Studies in Income and Wealth, Vol. 65, 11-4 5. Chicago: The University of Chicago Press.
5. Hulten C., Charles R. (1979) On the 'Importance' of Productivity Change // American Economic Review, 69, 126–36.
6. Soloveichik, R. (2013a) Music Originals As Capital Assets. Manuscript.
7. Soloveichik, R. (2013b) Theatrical Movies as Capital Assets. Manuscript.
8. Soloveichik, R. (2013c) Long-Lived Television Programs As Capital Assets. Manuscript.
9. Soloveichik, R. (2013d) Books As Capital Assets. Manuscript.
10. Solow R. (1956) A Contribution to the Theory of Economic Growth // The Quarterly Journal of Economics, Oxford University Press, vol. 70 (1), pages 65-94.
11. Mankiw N.G., Romer D., Weil D.N. (1990) A Contribution to the Empirics of Economic Growth. National Bureau of Economic Research. NBER Working Papers 3541, National Bureau of Economic Research, Inc.

Славинская О. А.
Институт экономики РАН,
Государственный институт искусствознания,
Школа-студия МХАТ
Москва

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЫНКА ТРУДА В ТЕАТРАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Данная работа посвящена анализу рынка труда в театральной отрасли, выявление его особенностей, возможностей использования существующего общего инструментария и разработка новых методов анализа с учетом специфики данного вида культурной деятельности, где создаются товары и услуги, принадлежащие классу опекаемых благ, производство которых в подавляющем большинстве случаев субсидируется государством.

Рынок труда является довольно актуальной темой, которой посвящено большое количество работ, исследующих тенденции, структуры и особенности российского рынка труда (Гимпельсон, Капелюшников, Рощина (2017)), факторы формирования занятости в бюджетном секторе и анализу межсекторного различия заработных плат. Следует особо выделить работу 2015 года Журавлевой Т.Л. «Платит ли российское государство «справедливую» зарплату: обзор исследований», которая представляет собой обзор не только самих исследований, а также баз данных и различных методов эконометрического анализа.

Важно отметить, что проблема соотношения производительности труда и затрат на оплату труда играет исключительную роль. Дело в том, что культурная деятельность характеризуется отсутствием стандартных механизмов роста заработной платы, что обусловлено невозможностью роста производительности труда в данной сфере, или его отставанием от производительности по

экономике в целом (Baumol, Bowen (1966)). Следствием данной закономерности, подтвержденной эмпирическими исследованиями (Nordhaus (2008); Fernandez, Palazuelo (2012); Рубинштейн (2012); Rubinshteyn (2013a), (2013b); Бураков, Славинская (2017); Burakov, Slavinskaya (2018)), является убыточность организаций культуры («болезнь Баумоля»), так как издержки организаций культуры растут быстрее, чем их доходы.

Исходя из данной специфики, мы можем говорить о том, что стандартные методы роста производительности труда (совершенствование управления, организации производства и труда, повышение технического уровня производства, изменение объема производства, улучшение организации производства и труда и др.) в культуре не работают. Поэтому, возможно, единственным ресурсом увеличения объемов производства культурных благ, если такая задача стоит, является рост численности занятых в этой сфере. То есть, чем больше производитель культурных благ может позволить нанять людей с одинаковой квалификацией, тем больше продукта он сможет создать. В этой связи исключительная важность представляется вопрос анализа соотношения производительности труда и заработных плат, но уже рассчитанные двояким образом: и как со стороны издержек производства, и как со стороны доходов работников.

Данные два подхода отличаются между собой тем, что если мы рассматриваем оплату труда со стороны издержек производителя, то мы рассматриваем показатель, который отвечает на вопрос, во сколько единиц «зрительских услуг» организациям культуры будет стоить нанять одного работника (Капелюшников (2013), с.73). При этом мы дефлируем номинальную заработную плату не с помощью индексов цен для всей экономики (как ИПЦ или дефлятор ВВП), а с помощью рассчитанного для каждого вида культуры собственный индекс цен на билеты.

При этом важно отметить, что рассмотрение заработной платы со стороны работника, как его дохода, тоже является важным фактором, так как позволяет проанализировать покупательную способность его дохода в сравнение с работником по экономике в целом.

В данной работе будут анализироваться оба показателя заработной платы, то есть и как индикатор стоимости рабочей силы (дефлированный с помощью индексов цен на билеты), и как индикатор покупательной способности доходов работника (дефлированный с помощью дефлятора ВВП). Поэтому задачами исследования являются: во-первых, определить реальную динамику стоимости рабочей силы в театральной сфере и сопоставить ее с динамикой стоимости рабочей силы по экономике, во-вторых, региональный анализ с выделением регионов с наилучшей и наихудшей ситуацией в области оплаты труда в контексте исполнения Майских указов Президента РФ 2012 года о доведении заработной платы в культуре до средней по региону; в-третьих, с учетом нового подхода к анализу оплаты труда, построить эконометрическое уравнение, которое возможно изменит существующее представление о зависимости дефицита дохода от индексов Баумоля (Рубинштейн (2012); (Бураков, Славинская (2017)).

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Во-первых, стоимость труда работников театральной сферы отстает от реальной оплаты труда. Объем данного разрыва определяет размер необходимых государственных субсидий в театральную отрасль культуры, чтобы поддерживать определенный уровень занятости для нормального производства культурных благ.

Во-вторых, так как покрытие издержек на оплату труда и в целом уровень зарплаты зависит от выделяемых бюджетных средств, то соотношение заработных плат в культуре к экономике в целом можно интерпретировать как показатели социальной значимости работников культуры. Если рассматривать

соотношение доходов работников, то в театрах по России в целом только к 2019 году зарплата работников превышает средний уровень зарплаты по экономике. Стоит отметить, что и доля расходов на культуру как в консолидированном, так и в федеральном бюджетах варьируется и составляет 3,5% и 0,6% соответственно. При этом в федеральном бюджете доля данных расходов в основном снижается за рассматриваемый период.

В-третьих, региональный анализ показал, что к 2019 году только в Северо-Западном и Дальневосточном федеральных округах заработная плата в театрах достигла уровня по экономике округа в целом. Если рассматривать отдельные регионы, то несмотря на то, что показатель соотношения заработной платы в театре по отношению к средней зарплате по региону увеличивается, можно говорить о невыполнении Майских указов Президента РФ 2012 года в большинстве регионов.

Табл. 1. Распределение субъектов РФ по степени исполнения Майских указов Президента РФ 2012 года

Кластеры	Число регионов в кластере				Отношение заработной платы в театре к средней по экономике региона				
	2008	2012	2016	2019	Диапазон значений в кластере	Среднее значение в кластере			
						2008	2012	2016	2019
I	0	2	0	19	Более 100%	0%	102%	0%	110%
II	4	9	16	46	75%-100%	82%	80%	85%	86%
III	55	46	52	15	50%-75%	59%	60%	63%	69%
IV	21	23	12	0	Меньше 50%	42%	45%	45%	0%
Всего	80	80	80	80	РФ в целом	71%	79%	82%	100%

Источники: рассчитано автором на основе данных Сборников «Театры РФ в цифрах» ГИВЦ Минкультуры (<https://stat.mkrf.ru/>), а также сборников Росстата "Российский статистический ежегодник" (<https://rosstat.gov.ru/>) и базы данных ЕМИСС (<https://fedstat.ru/>).

В-пятых, в связи необходимостью финансирования культуры, актуально было рассмотреть зависимость дефицита доходов организаций культуры от индексов Баумоля, с учетом новой методологией их расчета. В результате было

получено модифицированное уравнение зависимости логарифма дефицита дохода от логарифма индексов Баумоля. Важным моментом исследования было введение фиктивной переменной, которая отражает изменения характера поведения производительности труда в театрах по отношению к уровню по экономике в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бураков Н.А., Славинская О.А. Государственный патернализм и эконометрическая модель бюджетной поддержки театра. Научные доклады. – М.: Институт экономики РАН, 2017.

2. Журавлева Т.Л. (2015). Платит ли российское государство «справедливую» зарплату: обзор исследований. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). – 32 с.

3. Заработная плата в России: эволюция и дифференциация // под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшникова. - М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2008.

4. Капелюшников Р.И. Производительность и оплата труда в сфере искусства: альтернативная интерпретация / Экономика культуры: новый ракурс старых проблем. - М., 2013.

5. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения// под ред. Гимпельсона В., Капелюшникова Р., Рощина С.// Доклад Центра трудовых исследований (ЦеТИ) и Лаборатории исследований рынка труда (ЛИРТ) НИУ ВШЭ, 2017.

6. Рубинштейн А.Я. Опекаемые блага в сфере культуры: признаки и последствия «болезни цен». - М., Институт экономики РАН, 2012.

7. Рубинштейн А.Я. Театральная деятельность в России: «RPR-анализ» опекаемых благ. ЭНСР №4 (63), 2013.

8. Рубинштейн А.Я., Славинская О.А. Индекс опекаемых благ в гуманитарном секторе экономики. В сборнике: XVI Апрельская международная

научная конференция по проблемам развития экономики и общества в четырех книгах. Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики". 2016. Книга 2. С. 358-369.

9. Baumol W., Bowen W. Performing Arts: the Economic Dilemma. N.Y.: The Twentieth Century Fund, 1966.

10. Burakov N.A., Slavinskaya O. A. Theoretical regulations and institutional features of financing arts // Finance: theory and practice. 2018. Vol. 22. №. 6. Pp. 25-38.

11. Fernandez, Palazuelo. European Union Economies Facing «Baumol's Disease» within the Service Sector, JCMS: Journal of Common Market Studies, Volume 50, Issue 2. 2012.

12. Jovanovic B., Lokshin M. Wage differentials between the state and private sectors in Moscow // Review of Income and Wealth. Series 50. No. 1, 2004.

13. Nordhaus W. Baumol's Diseases: A Macroeconomic Perspective. Contributions to Macroeconomics, Berkeley Electronic Press, vol. 8(1), 2008.

14. Rubinshteyn A. Studing «Patronized goods» in cultural sector. Econometric model of Baumol's disease. Part I. Creative and Knowledge Society / International Scientific Journal, 2013a, №1.

15. Rubinshteyn A. Studing «sponsored goods» in Cultural Sector. Econometric model of Baumol's disease. Part II. Creative and Knowledge Society / International Scientific Journal, 2013b, №3.

Дудкина Е.А.

Государственный институт искусствознания

Москва

МОЛОДЕЖНАЯ АУДИТОРИЯ ТЕАТРОВ РОССИИ (НА ОСНОВЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Поведение театральной аудитории, и ее отношение к различным видам искусства и видам досуга изучалось российскими и зарубежными исследователями на протяжении второй половины двадцатого века и остается актуальным в наши дни. В то же время, если «взрослая» часть аудитории театра изучена достаточно хорошо, то вопрос о степени приобщенности молодежи к актуальному театральному искусству, приобретающий все большую актуальность, до сих пор не изучен в достаточной степени. Одним из основных возможных направлений исследований в этой области являются социологические исследования театральной аудитории. Также с развитием интернет технологий особенную актуальность приобретают on-line исследования на основе электронных опросов.

Кроме того, что эти исследования представляют культурологическую, экономическую и социальную ценность, также следует упомянуть, что важность приобщения молодежи к искусству подчеркивается и в ряде государственных нормативных актов, например в «Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (от 29 ноября 2014 г. № 2403-р) среди целей и приоритетных задач государственной молодежной политики указываются такие как: «вовлечение молодежи в творческую деятельность, поддержка молодых деятелей искусства, а также талантливой молодежи».

Данный доклад выполнен по результатам междисциплинарного исследования театров Российской Федерации, объединившего в себе результаты

«Первого всероссийского социологического опроса театральных зрителей» проведенного в 2019 году «Государственным институтом искусствознания» и СТД РФ и охватившего все Федеральные округа и субъекты Российской Федерации, около 200 городов, и более 600 профессиональных театров, в отношении которых высказали свое мнение более 12 тыс. респондентов. Помимо опроса посетителей сайтов театров и региональных отделений СТД РФ в число респондентов вошли сотрудники и студенты ВУЗов РФ.

В современном обществе существует достаточно большой выбор различных форм проведения досуга, в том числе и культурного. Считается, что одной из важнейших функций культуры является образовательная. Если же мы говорим о молодежи, то в данном случае следует говорить также и о воспитательной функции искусства. Причем о возможностях именно «живых» форм искусства, даже заключенных в цифровую форму. Нельзя не согласиться, что события последних месяцев показали большой интерес к театральной, концертной и музейной деятельности. Благодаря возможности он-лайн просмотров театральных спектаклей, концертов классической музыки и других материалов, значительная часть потенциальной аудитории получила возможность приобщиться к данным видам искусства.

На основе социологических данных данного исследования выделена «молодежная» группа – школьники и студенты, составляющие более 15% респондентов. Таким образом, можно говорить о достаточно большом проценте театральной аудитории среди этой возрастной группы. Если же брать молодежь в возрасте до 30 лет – то среди респондентов эта группа составляет уже 36,1%, т.е. практически треть от числа участников опроса.

В докладе предполагается рассмотреть такие вопросы, как отношение данной части аудитории к составу театрального репертуара, количеству новых постановок, зрительских предпочтениях данного кластера, а также ценовой доступности театральных постановок.

В современном мире появляется множество разнообразных способов потребления «культурного продукта». И прежде всего это Интернет ресурсы. Конечно же, они не могут должным образом заменить живое общение с искусством. Театр – это не только просмотр спектакля, но и приобщение к театральной культуре, культуре восприятия и культуре поведения в обществе, но следует учитывать и другие возможности приобщения к искусству. Таким образом, еще одной задачей данного исследования стало изучение, на основе социологических данных, отношения молодежной аудитории театров к Интернет-просмотрам, трансляциям и видеозаписям.

Еще одним немаловажным вопросом в изучении театральной аудитории является ее отношение к репертуарной политике театров. Какова степень предпочтения традиционных или новаторских постановок, наличие или отсутствие в театрах известных актеров и режиссеров, а также возможностям расширения функций театров.

Современные учреждения культуры предоставляют своим посетителям возможность не только приобщиться к произведениям культуры, в данном случае – театральным представлениям, но также предлагают себя в качестве рекреационных пространств. Театры, в данном случае, предоставляют возможность встречи с актерами и режиссерами, проведения образовательных программ, выставочные пространства и ряд других функций. В данном докладе предполагается рассмотреть отношение аудитории и к этим видам деятельности театральных учреждений.

Изучение различных групп аудитории театров с помощью социологических методов сегодня не только не теряет свою актуальность, но является одним из действенных способов, основывающихся на эмпирических фактах и предлагающих широкий спектр возможностей.

Сессия 5. Туризм и культурная среда

Леонидова Е. Г.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

Вологда

ПРОБЛЕМЫ ТУРИЗМА КАК ФАКТОРА РАЗВИТИЯ РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ ВЛИЯНИЯ ПАНДЕМИИ COVID-19

Одним из приоритетов социально-экономической политики России является туризм. Стратегией пространственного развития Российской Федерации до 2025 года⁴ определено, что для 73 из 85 регионов РФ этот сектор народного хозяйства является отраслью экономической специализации. К 2035 году⁵ вклад туризма в экономику страны должен составить 16,3 трлн. руб., что выше текущего уровня в пять раз. В июне 2020 года Федеральное агентство по туризму, входящее в структуру Минэкономразвития РФ, перешло в подчинение правительству страны. К 2021 году в России должен появиться национальный проект «Туризм», направленный на поддержку внутреннего и въездного туризма. Все это свидетельствует о повышенном внимании органов государственной власти к развитию туристского сектора.

Для региональной экономики использование потенциала сферы туризма имеет большое значение: денежные потоки, которые возникают в результате туристской деятельности, генерируются внутри региона, что положительно влияет на социально-экономические параметры и воспроизводственный

⁴ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года // Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/UVAlqUrT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf>

⁵ Стратегия развития туризма в России до 2035 года. Распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2019 года №2129-р. Режим доступа: <http://government.ru/docs/37906/>

процесс. При этом задействуется достаточно много отраслей экономики региона. В этом состоит мультипликативный эффект туризма. Исследования свидетельствуют, что он может стимулировать развитие до пятидесяти смежных отраслей народного хозяйства. В научной литературе, дающей представление о туризме как о значимом факторе развития региона, его роль в экономике отражена достаточно широко. Учеными отмечается, что стимулирование туризма как фактора развития региона может активизировать инвестиционные процессы (W. Na, 2014), сгладить социально-экономическое неравенство (Leonidova E.G., 2020), способствовать повышению человеческого потенциала населения (Biagi, B., Ladu, M. G., R., Vicente, 2016), а также создать новые рабочие места (Кружалин В.И., Кружалин К.В., Шабалина Н.В., 2016), в том числе в муниципальных образованиях, повышая занятость населения и уменьшая его миграционный отток. Необходимость активизации туристской деятельности в российских регионах еще больше актуализируется в связи ограничением выезда туристов за границу из-за распространения коронавирусной инфекцией COVID-19.

Однако для того, чтобы получить максимальную экономическую и социальную отдачу от туризма и повысить его значимость в региональном развитии, необходимо своевременно проводить диагностику проблем, ограничивающих его функционирование, в том числе и в регионах. В связи с этим целью исследования является определение основных ограничений, сдерживающих вклад туризма фактора в развитие региона. Объектом исследования является туризм Вологодской области, которая относится к числу российских регионов с высоким туристическим потенциалом. Одним из самых известных туристских объектов, расположенных на ее территории, является федеральный туристский проект «Великий Устюг – родина Деда Мороза». С момента начала его реализации в 1998 году поток туристов увеличился в 100 раз, достигнув к 2018 году 300 тыс. человек.

В новых экономических условиях, вызванных пандемией COVID-19 у российских регионов появляются возможности использовать данный фактор для активизации внутреннего туризма. В ходе исследования определено, что к ограничениям туризма Вологодской области относятся:

1. Сокращение количества туроператоров, которое может привести к недостатку предложений на рынке внутреннего туризма, не способствуя росту туристического потока в регион.

2. Недостаточный уровень развития туристской инфраструктуры. В первую очередь, это относится к несоответствию коллективных средств размещения и мест в них высоким стандартам качества. Нехватка номеров повышенной комфортности гостиничного сектора, отмечаемый также другими исследователями, ограничивает спрос туристов с высокими доходами.

3. Слабая транспортная доступность объектов туризма, связанная с отсутствием качественного дорожного покрытия, что подтверждается и в работах по данной проблематике.

С учетом вышесказанного можно предложить направления, способные снизить ограничения, существующие в отрасли и увеличить туристский поток в регион в ближайшей перспективе:

– государственная поддержка туроператоров в виде предоставления субсидий для развития внутреннего туризма и увеличение количества туров для создания конкурентного туристического предложения;

– обеспечение транспортной доступности туристских объектов на основе совершенствования качества инфраструктуры, а также субсидирования транспортных перевозок, введения социальных тарифов для школьников, студентов, пенсионеров и других категорий граждан с целью удешевления турпакетов;

– стимулирование инвестиционной деятельности в обновление номерных фондов сектора размещения путем предоставления льготного кредитования,

снижения ставки налога на добавленную стоимость в отношении компаний, занятых в сфере туризма.

Перечень этих направлений не является исчерпывающим и может быть дополнен с учетом особенностей развития туристской отрасли в конкретном регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кружалин В.И., Кружалин К.В., Шабалина Н.В. (2016). Состояние российского туризма, проблемы и перспективы // Вестник национальной академии туризма, № 1, 10–13.

2. Biagi, B., Ladu, M. G., R., Vicente. (2016). Human Development and Tourism Specialization. Evidence from a Panel of Developed and Developing Countries: HDI and Tourism Specialization // International Journal of Tourism Research. DOI: 19. 10.1002/jtr.2094.

3. Leonidova E.G. (2020). Stimulating final consumption within the reduction of regional inequality // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, vol. 13, no. 3, 59–73. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.5

4. W. Na. (2014) Research on the tendency of national domestic tourism // Journal of Chemical and Pharmaceutical Research, no. 6 (6), 1862–1865.

Томасова Д.А.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна»
Санкт-Петербург

КУЛХАНТИНГ: ПРИНЦИПЫ И ВОЗМОЖНОСТИ СОЗДАНИЯ НОВЫХ ФОРМАТОВ В СФЕРЕ ТУРИЗМА

Сложности, с которыми сталкиваются в настоящее время многие туроператоры и туристические компании, вызваны не только вполне понятным убытком от вынужденного простоя и прямых потерь невозвратных вложений, но и более сложными процессами. В течение последних нескольких лет усиливается тенденция отказа от пакетных туров в пользу самостоятельно спланированных поездок. Её поддерживает стремительное развитие и нарастание популярности сервисов в сфере TravelTech: они позволяют самостоятельному путешественнику решить все свои организационные задачи лёгким и интуитивно понятным способом, начиная с бронирования жилья, билетов, трансфера до заказа экскурсии на родном языке в любой точке мира.

Меняются и предпочтения путешественников. По результатам опроса, проведённого компанией Booking.com в 2019 году, самореализация путешественников может занять лидирующую позицию при выборе тура: более половины опрошенных по всему миру ответили, что наиболее ценным результатом от путешествий стало приобретение новых навыков. В то же время наблюдается рост осознанности путешественников: более половины респондентов проявили готовность отказаться от поездки, если она может негативно сказаться на местных жителях (Collier, 2019). В целом можно говорить о размывании контуров туристического рынка: всё активнее сглаживаются границы между путешествием для отдыха, волонтерством,

экспедицией, экстремальным опытом, тренировкой и обучением тому или иному ремеслу. И в то же время всё настойчивее становится запрос на дальнейшую индивидуализацию совокупной ценности, которую представляет для потребителя отдельное путешествие от туроператора. Согласно результатам исследования Welcome Times, более половины респондентов готовы в той или иной степени пожертвовать комфортом ради захватывающих эмоций.

Неизбежным становится вопрос о месте туроператора в современном мире и о том, какую уникальную ценность они могут предложить грамотным и требовательным клиентам. Способность адекватно, осознанно и нетривиально ответить на этот вопрос определяет будущее компании. Принципиально важным для выживания туристической компании становится развитие её инновационной восприимчивости, которая подразумевает умение разглядеть перспективную идею и вовлечь энергию, талант, ресурсы сотрудников в создание нового опыта организации путешествий, в том числе в нестандартных и непривычных формах. Одним из перспективных инструментов является кулхантинг – при грамотном использовании он позволяет наиболее полно уловить все сложные потребности современного человека, скрытые инстинкты и неосознаваемые им запросы и найти их максимально яркое и привлекательное выражение в туристическом продукте. Кулхантинг представляет собой поиск новых смелых стилей, нетривиальных идей и явлений, а также прогнозирование неожиданных, опережающих время тенденций в целях создания модных, захватывающих воображение и востребованных товаров и услуг (Эсаулова, 2015). Причём внимание обращено преимущественно на эмоционально насыщенные сферы жизни, к которым, несомненно, относится и туризм с его нацеленностью на раскрытие творческого, спортивного, коммуникативного потенциала людей.

В рамках изучения инновационного поведения компаний в туристической сфере проведён обзор нетривиальных идей, реализованных туроператорами в

2018 и 2019 году. Обзор позволил сформулировать глубинные запросы людей в сфере отдыха, путешествий, времяпрепровождения.

Первый тренд выражается в нацеленности на осознание и возрождение первозданных инстинктов человека-скитальца, возвращение в естественную среду обитания, полную рисков и экстрима. Сразу несколько туристических компаний организовали возможности проживания в удивительных локациях: это Арктический плавучий отель на реке Лул или Ion hotel в Исландии, предлагающие приключения среди лавовых полей, чёрного песка и гейзеров, дайвинг между двух континентальных плит, горные конные прогулки среди острых пиков, ледолазание на замёрзших водопадах. Инновационный бренд верхней одежды Arc'teryx запустил линию туров, призванных пробудить в современном человеке утраченное чувство масштаба – треккинг по наиболее диким частям Канады и Аляски.

Вторым направлением, вдохновляющим туроператоров, стал тур-экспедиция, в центре которого заложены пробуждение исследовательского интереса, азарта. Турклуб Астроверты организует экспедиции астрономической направленности, вовлекающие клиентов в исследование и фотосъёмку уникальных астрономических явлений, а экспериментальное тревел-агентство Pelorus создает частные туры в самые труднодоступные уголки планеты, совмещая их с программами изучения биологического разнообразия и заповедных территорий.

Третий вектор появления туристических новинок связан со стремлением клиентов придать значимость своему путешествию. Здесь формируется большое количество инициатив, развиваемых в сотрудничестве туроператорами и местными природоохранными сообществами. Так, запущенная недавно инициатива Steppes Fund for Change организует туры по наблюдению за дикой природой и продвижению туризма на основе принципов устойчивого развития.

Идея этого направления наилучшим образом выражена в том, чтобы вознаграждать клиентов за их осознанный выбор уникальным опытом.

Четвёртый тренд активно привлекает практики развития тела, психологические эксперименты и философию самовосстановления в программу тура. Причём наиболее яркое выражение это направление приобретает в отношении женской аудитории. Одна из интересных новинок – проект SuperShe: недельное пребывание на острове для женщин у побережья Финляндии, которое позиционируется как побег от стрессовой реальности для общения и включения в целый комплекс ментальных практик. Культивирование опыта взаимоподдержки среди женщин реализуется туроператором Interpid Travel, который анонсировал один за другим туры, предназначенные исключительно для женщин и нацеленные на погружение в жизнь женских сообществ на Ближнем востоке и в Северной Африке.

В заключение хотелось бы задать вопрос: какими станут новые запросы и интересы людей в сфере путешествий в неизбежно изменившемся мире в 2021 году – и какие ответы предложат им туроператоры? Есть все основания полагать, что занявшие столь важное место в жизни людей за последний год киноиндустрия, индустрия виртуальной и смешанной реальности, онлайн-платформы обучения, обмена информацией и впечатлениями, мир Инстаграмма с его блогерами, культивирующими экстраординарные переживания, будут, как и прежде и даже в большей мере, служить источником вдохновения для планирования самых необычных туров.

Несомненно, что в такой ситуации задачей и миссией инновационно восприимчивой туристической компании становится умение транслировать своим сотрудникам, партнёрам, клиентам, окружающему миру в целом инновационную картину будущего – того будущего, в котором путешествия позволяют человеку глубже понять себя и восстановить свою взаимосвязь с миром. Это умение особенно актуально именно сейчас, когда от предприятий

сферы туризма ожидают не только сохранения эффективности своей деятельности в изменившихся условиях, но и готовность внести вклад в возобновление культурных, социальных и экономических связей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Эсаулова И.А., Линькова Н.В., Меркушева А.А. (2015). Инновационные компетенции как основа инновационного поведения сотрудников организации // Вестник университета, №5, 330-335.

2. Тренды туризма 2019: Мнения экспертов. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://welcometimes.ru/opinions/trendy-turizma-2019-mneniya-ekspertov> (Дата обращения: 16.04.2020)

3. Collier, D. (2019). Millennials, attribute-based selling, "rogue" OTAs - what hospitality looks like in 2020 // OTA Insight. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.phocuswire.com/ota-insight-hospitality-forecast-2020> (Дата обращения: 16.04.2020)

СРЕДА КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР ДЛЯ РАЗРАБОТКИ ЭФФЕКТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ КАПИТАЛИЗАЦИИ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

На данный момент объекты культурного наследия поддаются классификации, заложенной в ФЗ № 73, и делятся на памятники, ансамбли и достопримечательные места. Такое деление в значительной степени отражает морфологию застройки, однако непригодно для разработки механизмов государственной поддержки инвесторов и собственников объектов культурного наследия (ОКН). Например, классификация не учитывает объемов реставрации, не отражает особенности функционального назначения, не позволяет привязать ее к существующим моделям капитализации. Помимо этого, классификация имеет формальные цели и не может использоваться для решения конкретных задач.

В зарубежной практике можно найти примеры классификаций, созданных под определенные задачи. Например, классификация по степени исторической ценности, уровню сохранности объектов и наличию на территории коренных народов Эквадора. Данная классификация создавалась по заказу федеральных властей с целью формирования территориальной типологии ОКН для их сохранения в условиях региональной специфики и с учетом недопустимости выселения коренных жителей (Barona, 2013). В бельгийском опыте существует кейс разработки классификации жилых зданий, имеющих охранный статус, по компонентам с целью улучшения энергетических характеристик (Galan, 2015). Разработка такой классификации подчеркивает важность и актуальность

модернизации старых жилых зданий и отношение к наследию как к активно используемому городскому фонду.

Данные примеры показывают, что для эффективного решения поставленных задач необходимо создавать типологию, которая учитывает индивидуальные факторы и характеристики решаемой задачи. Основной проблемой существующей классификации объектов культурного наследия в России является то, что она не создавалась для решения проблем, возникающих у инвесторов и собственников в процессе капитализации объекта. Таким образом существующая классификация не может быть использована как эффективный инструмент взаимодействия бизнеса и государства.

Целью исследования является выявление пространственных закономерностей, которые помогут создать типологию, помогающую в разработке моделей дальнейшей капитализации объектов культурного наследия.

Основными методами исследования являются анализ литературных источников и нормативно-правовых актов, синтез параметров, необходимых для учета при составлении классификации объектов культурного наследия, картографирование ОКН и выбранных параметров, пространственный анализ и составление типологии, а также прогнозирование разномасштабных эффектов от капитализации объектов культурного наследия.

При разработке дизайна исследования авторы опирались на существующие исследовательские работы. Например, схожее исследование было проведено в 2016 году (США). Значительная часть работы была посвящена влиянию исторических зданий на уровень коммерческой активности в городской среде (Meeks, 2016). Пространственный анализ позволил выявить наибольший объем финансовых и человеческих потоков в кварталах, имеющих исторические здания небольшого объема, чем в кварталах, состоящих из новых и больших зданий. За счет общности подходов к проведению исследований, результаты двух работ могут быть сопоставлены между собой.

Тем временем, исследование различных характеристик среды и объектов культурного наследия, встречающихся в городах Московской области, привело к следующим результатам: коммерческие объекты “тяготеют” к историческим зданиям и историческому центру в целом, однако в самих ОКН практически никогда не располагаются (не зависимо от размера здания), тогда как в Американских городах наибольшая концентрация точек коммерческой активности наблюдается именно в исторических зданиях. Анализ вторичных источников показывает, что это связано с продуманной системой капитализации таких зданий в США, с большим количеством мер поддержки и понятными “правилами игры” при работе с местными аналогами ОКН. В России на данный момент инвесторы сталкиваются с большим количеством барьеров при работе с наследием, в том числе и при попытке получения государственной поддержки. Поэтому для увеличения доступности мер поддержки необходимо разработать типологию, которая позволит сделать механизм капитализации объектов культурного наследия унифицированным по группам и достаточным для любого типа объекта.

В рамках исследования авторами была разработана типология, основанная на пространственном анализе параметров, определяющих модель капитализации ОКН. Основанием для типологии, а также значимым фактором стала среда, в которой находятся объекты. Среда в свою очередь характеризуется такими показателями как: плотность застройки, уровень насыщенности коммерческими услугами, близостью к другим ОКН (или нахождением в ансамблевом комплексе), уровень урбанизации и степень удаленности от центра города. Помимо этого, в типологии задействован ряд вспомогательных факторов, более детально описывающих сам объект культурного наследия: объем постройки, и исторически заложенная функция.

В рамках доклада будут рассмотрены пространственные закономерности, определяющие модель капитализации наследия, в том числе подробному

анализу подвергнутся закономерности распространения точек коммерческой активности относительно объектов культурного наследия в городах Московской области.

Ключевые слова: капитализация объектов культурного наследия, типология объектов культурного наследия, коммерческая активность, историческая среда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Barona, Pablo Cabrera, and Paulina Guarderas. "Creation of territorial cultural-heritage typologies in Ecuador with GIS support."Conference: ESRI International User Conference. July, 8 th -12th , 2013. At: San Diego. United States
2. Galan, Arancha; Consolacion, Acha ; Bouillard, Philippe ; Trachte, Sophie; Evrard, Arnaud. Old buildings, new cities: Analysis of Brussel's Leopold Quarter building typologies as a driver to identify optimal retrofitting strategies. Euro-Elecs 2015
3. Meeks S., Murphy K.C. (2016) Older, Smaller, Better: How Older Buildings Enhance Urban Vitality. In: The Past and Future City. Island Press, Washington, DC
4. Kowalski, Alexandra. "When cultural capitalization became global practice." The cultural wealth of nations (2011): 73-89.

Сессия 6. Потенциал культурных индустрий в России

Абанкина Т. В., Николаенко Е. А.

Центр креативной экономики НИУ ВШЭ

Москва

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ В РОССИИ

Актуальность поддержки креативных индустрий обусловлена усилением внимания государства и общества к развитию человеческого капитала и повышению международной конкурентоспособности России в экономике знаний. В последние десятилетия понятие человеческого капитала существенно расширилось, эксперты Всемирного банка включают в него расходы государства и семей на образование, здравоохранение, культуру. Вызовы, стоящие перед российской экономикой на современном этапе, обусловлены складывающимися негативными тенденциями оттока высококвалифицированных молодых специалистов в страны с возможностями приложения труда в сфере креативных индустрий и творческой самореализации. Международный имидж России деградирует к имиджу страны «третьего мира», являющейся поставщиком сырья, а не уникальных брендов, технологий и знаний. Исходя из этого, оценка экономического потенциала сферы культуры и перспектив развития креативных индустрий России является актуальной задачей.

Анализ динамики финансовых потоков показывает, что к 2013 г. расходы на культуру в расчете на душу населения в нашей стране выросли настолько, что стали вполне сопоставимы с аналогичными показателями стран бывшего Восточного блока, входящими в ОЭСР, составив 70% от среднего значения по этим странам, и несколько приблизились к показателям развитых стран

западной Европы (в 2005 г. – 27,4%, в 2013 г.- 35,1% от среднего значения по этим странам). Однако в 2015 г. расходы на культуру существенно сократились и в реальном выражении стали даже ниже уровня 2008 г. Начиная с 2016 г. наблюдается постепенный ежегодный рост бюджетных расходов на культуру. Аналогичная динамика финансирования характерна и для других отраслей социальной сферы, формирующих человеческий капитал.

В условиях, когда бюджеты большинства регионов РФ имеют устойчивый дефицит и получают дотации из средств федерального бюджета на выравнивание бюджетной обеспеченности, расходы на культуру, особенно финансовое обеспечение программ развития и поддержки креативных индустрий, находятся в зоне риска недофинансирования. Недофинансирование сферы культуры и креативных индустрий прямо сказывается на уровне обеспеченности населения культурными благами и возможности участия в культурной жизни, что является одним из главных приоритетов культурной политики России. В настоящее время по результатам анализа выявлены существенные межрегиональные различия индексов обеспеченности населения субъектов РФ культурными благами и уровня развития креативных индустрий.

Ядро креативной экономики в условиях «крафтовой революции» составляют технологии проектирования будущего, создания творческих продуктов, управления развитием, формирования инновационных потребностей и опережающего избыточного предложения в секторе креативных индустрий. Необходимо учитывать мериторный характер ряда культурных благ, когда отдельные виды культурной деятельности носят общественно полезный, социально значимый характер, однако лишены коммерческих возможностей – издержки производства объективно превышают цены на производимые товары и услуги. Для развития таких видов культурной деятельности требуется государственное субсидирование и стимулирование культурного потребления и возможностей участия населения в культурной жизни, что предопределяет

высокий уровень государственной ответственности в области культуры и развития креативных индустрий. Международная практика показывает, что во всех странах развитие креативных индустрий опирается на программные меры государственной поддержки, особое внимание в программах всех стран уделяется выводу творческих индустрий на глобальные рынки.

Доля сектора креативных индустрий в России составляла около 6% ВВП в 2017 году, около 5% ВВП в 2013 году, т.е. постепенно расширяется (по оценкам ИУГР НИУ ВШЭ). Это достаточно высокий показатель, во всех странах доля креативного сектора не превышает 10% ВВП, однако систематически поддерживается на государственном/муниципальном уровнях, потому признается, что наряду с образованием сфера культуры и креативных индустрий формируют ключевые условия для развития человеческого капитала. Особую актуальность приобретают меры по поддержке экспорта российских креативных индустрий, который в настоящее время незначителен по сравнению с другими странами. Доля России в мировом экспорте креативных товаров составляет на протяжении последних 15 лет около 0,4%.⁶ Вместе с тем, при низком экспортном потенциале в России растет импорт в сфере креативных индустрий, что приводит к отрицательной динамике внешнеторгового сальдо в этой сфере. В 2015 году импорт в сфере креативных индустрий заметно сократился, однако, не за счет импортозамещения, а за счет неблагоприятного изменения курса валют. Наибольшую часть российского экспорта креативных товаров представляют продукция издательского дела и печатные медиа, а также дизайн. Среди российских креативных услуг наиболее конкурентоспособными на мировом рынке являются реклама и маркетинговые исследования, архитектурные, инженерные и другие технические услуги - по объёму экспорта на втором месте после Китая. В структуре российского экспорта креативных

⁶ Источник: Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) (2016). <http://unctadstat.unctad.org>

услуг их совокупная доля составляет 84%. Вместе с тем, креативные индустрии могут внести вклад в развитие несырьевого экспорта РФ, что является стратегической задачей развития РФ.

Сектор креативных индустрий в России не обеспечивает потребности внутреннего рынка в культурно-досуговой сфере. Емкость российского рынка превышает производственные возможности отечественных креативных компаний и творческих бизнесов. Дефицит предложения покрывается за счет импорта креативных товаров и услуг. Накопилось существенное отставание государственной поддержки, обеспечивающей опережающее развитие культуры и досуга в России, стимулирование спроса в креативном секторе, развитие творческих способностей у всех групп населения. Отсюда – дисбаланс спроса и предложения, резко выраженная межрегиональная неравномерность в развитии креативного сектора экономики, доступности качественных культурных благ и участия в культурной жизни. Высокая доля импорта в креативном секторе и недостаточная развитость российских креативных индустрий приводит к тому, что в России не удастся в полной мере сформировать условия для творческой самореализации и развития человеческого капитала. В таких условиях развитые страны, пользуясь своей высокой миграционной привлекательностью, «выкачивают» из России творческие ресурсы, что ведет к оттоку из страны квалифицированной творческой молодежи.

Потенциальные возможности для развития отечественного предложения креативных товаров и услуг создает неблагоприятная для российского рубля конъюнктура валютного рынка, которая уже привела к сокращению импорта. Однако, как показывает опыт зарубежных стран, развитие экспорта креативных индустрий происходит при активной государственной поддержке, которая в России пока носит фрагментарный характер. Необходимый баланс спроса и предложения в секторе креативных индустрий для динамичного развития в регионах России креативной экономики может быть обеспечен при их

государственной поддержке на программной основе за счет наращивания внутрироссийского и экспортного потенциала российских креативных индустрий и перехода к импортозамещению в этом секторе. Усиление присутствия и продвижение российских творческих товаров и услуг на глобальные рынки позволит преодолеть отрицательное сальдо внешнеторгового баланса и приостановить отток капитала и творческой молодежи. Культура и креативная экономика все в большей степени рассматриваются и как средство развития, и как результат развития: здесь создаются условия для повышения качества человеческого капитала, источники дохода за счет творческих товаров и услуг, культурного туризма, ремесел и памятников материальной культуры, внося свой вклад в устойчивое развитие регионов и стран.

Казакова М.В., к.э.н.
Центр региональной политики
Института прикладных экономических исследований РАНХиГС,
Фонд «Институт экономической политики имени Е.Т.Гайдара»,
Москва

КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ КАК НОВЫЙ ФАКТОР РОСТА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Введение

В современном мире одним из ключевых факторов развития и источников инноваций, помимо информации и знаний, является креативность, другими словами, способность людей находить нестандартные, творческие способы достижения целей (Новикова (2019)). Креативная экономика привлекает и удерживает в своей среде высококвалифицированную рабочую силу (Oakley, Ward (2018)). Именно представители креативного класса вносят наиболее значимый вклад в экономический рост и способные изменить будущее, генерируя новые знания, формы и технологии (Тросби (2013), с. 92-99; Флорида (2011), с. 18-26). О креативных индустриях с начала 2000-х гг. говорят как о новом драйвере экономического развития (Клоудова (2010)). Не случайно в России апологеты креативных индустрий видят в них способ снижения зависимости экономики от экспорта сырьевых товаров (Суминова (2012)).

Настоящая работа ставит своей задачей, в первую очередь, формулировку определения креативных индустрий. Далее в работе описывается современное состояние креативного сектора в мире, а также роль креативных индустрий в постпандемическом восстановлении российской экономики.

1. Определение креативных индустрий

Согласно определению, сформулированному в 1998 г. Департаментом культуры, средств массовой информации и спорта⁷ Великобритании⁸ в Документе по картированию⁹ креативных индустрий, которое сегодня стало каноническим, креативные индустрии это «деятельность, в основе которой лежит в индивидуальное творческое начало, навык или талант и которое несет в себе потенциал создания добавленной стоимости и рабочих мест путем производства и эксплуатации интеллектуальной собственности» (DCMS (1998, 2001)).

Опираясь на удобное определение и список из 13 подсекторов¹⁰ с четкими ссылками на статистические источники, этот документ сделал повестку развития креативных индустрий центральной для культурных и экономических

⁷ От английского Department of Culture, Media and Sport, или DCMS.

⁸ Страна, которая по праву считается пионером креативных индустрий и образцовым примером разработки и внедрения стратегии развития креативного сектора

⁹ О английского The Creative Industries Mapping Document. «Картирование территорий - это составление карты культурных и творческих ресурсов территории для оценки потенциала творческого сектора, определения его возможностей и потребностей. На его основе формируются стратегия развития творческих индустрий и культурная политика на данной территории. Картирование может осуществляться как для творческих индустрий в целом, так и для отдельных секторов (например, только музыка и музыкальное продюсирование и т. д.)» (Зеленцова (2008)).

¹⁰ К этим 13 подсекторам Рабочей группой креативных индустрий были отнесены следующие:

- Реклама,
- Архитектура,
- Художественный и антикварный рынок,
- Декоративное искусство и ремесла,
- Дизайн,
- Мода,
- Кино и производство видео и DVD,
- Мультимедиа и компьютерные программы для интерактивного обучения и досуга,
- Музыка и звукозапись,
- Исполнительские искусства,
- Телевидение и радио,
- Издательское дело и литература,
- Программное обеспечение.

При этом деятельность культурных институтов в традиционном понимании этого термина (музеи и организации культуры) была отнесена DCMS к креативным индустриям условно ввиду того, что они не являются в полной мере коммерческими предприятиями (DCMS (1998)). См. также (Зеленцова, Гладких (2010), с. 68; British Council (2010)) и UK Creative Industries Taskforce, Creative Industries Mapping Document. November 1998. Цит. по: Зеленцова (2008).

стратегий, разрабатываемых на региональном и местном уровне в Великобритании, а в дальнейшем – и в других странах¹¹.

Обсуждению терминологии и классификации креативных индустрий посвящено большое количество исследований (Гнедовский (2006), Матецкая (2011), Леонов, Лазарева (2017), Хезмондалш (2014), Flew (2002), Hartley (2005) и др.). Важно подчеркнуть, что сегодня перечень креативных индустрий, предложенный DCMS, постоянно пополняется, что обусловлено прямой связью креативного сектора с разработкой и внедрением инноваций, с одной стороны, и с другой - современным этапом развития постиндустриальной экономики, главенствующую роль в которой играют передовые технологии и продвинутые ноу-хау (OECD (1996)).

2. Современное состояние креативного сектора в мире

Начало XXI века может по праву считаться бумом креативной экономики¹² и креативных индустрий. Термином «креативная экономика» Д. Хокинс охарактеризовал экономические системы, чье функционирование и ценность обусловлены не традиционными факторами производства, такими как труд, капитал и земля, а от креативности, способности людей генерировать оригинальные идеи и инновации¹³.

Повышенное внимание к креативным индустриям как со стороны исследовательского сообщества, так и на практике, обусловлено тем, что эти

¹¹ Taylor C.F. Beyond Advocacy: Developing an Evidence Base for regional Creative Industry Strategies // Cultural Trends. No. 15(57). Pp. 3-18; DCMS. Creative Industries – The Regional Dimension. London: DCMS, 2000; DCMS. Culture at the Heart of Regeneration: Consultation Paper 631. London: DCMS, 2004; DCMS. DCMS – Evidence Toolkit. London: DCMS, 2004; DCMS. Government and the Value of Culture. London: DCMS, 2004. Цит. по: O'Connor (2010).

¹² Понятие, впервые введенное в 2000 г. в журнале «Business Week»; в дальнейшем оно было детально раскрыто в книге приглашенного профессора Шанхайской школы креативности, члена Консультационного совета по креативной экономике ООН Джона Хокинса «Креативная экономика».

¹³ «Творчество не обязательно является экономической деятельностью, но может стать таковой, когда его результат – идея, имеющая экономическое применение или итоговый рыночный продукт». Переход от идеи к продукту, по мнению Хокинса, «происходит всегда, когда идея определена, названа, практически осуществима и в результате у нее может появиться «владелец», который сможет ее продавать» (Хокинс (2011), с. 12-13).

индустрии являются источником инноваций, которые сегодня являются ключевым фактором экономического развития во всем мире (Савельева (2016), Боровинская (2014), Зеленцова (2009), Зеленцова Е.В., Мельвиль (2011)). Таким образом, творческий подход является основным фактором конкурентного преимущества и движущей силой социально-экономического развития (Зуев, Васецкий (2010); Стародубровская, Лободанова (2013); Флорида (2011), с. 19). В свою очередь, креативность становится как важнейшим фактором роста экономики (наряду со знаниями и информацией), так и источником личностного роста человека (Гнедовский (2005), Яковлев (2017)).

Расширяется участие МСП в креативном предпринимательстве. Растет гибкость подходов к взаимодействию, меняется стиль менеджмента: работа теперь воспринимается как возможность проявления творчества и самореализации, а не строгий режим труда и отдыха и жесткую привязанность к офисному стилю одежды¹⁴.

Сформировалась концепция так называемого «креативного класса». Ядро этого класса составляют люди, работающие в таких областях, как научная и техническая сферы, архитектура, дизайн, образование, искусство, музыка и индустрия развлечений. Эти люди являются источниками новых идей, технологий и креативного содержания. Кроме того, креативный класс включает большую группу креативных специалистов, занятых в сфере бизнеса и финансов, права, здравоохранения и смежных секторах. Те задачи, которые выполняют указанные специалисты, требуют высокий уровень квалификации и навыков, а также свободный, независимый, творческий стиль мышления. Таким образом, для всех представителей креативного класса, все аспекты проявления

¹⁴ Ross A. No-Collar: The Humane Workplace and Its Hidden Costs. - New York: Basic Books, 2002. 288 p. Цит. по: Зеленцова, Гладких (2010), с. 77; Махалина, Махалин (2014).

творческого потенциала (технологические, творческие и экономические) являются неразделимыми и взаимосвязанными между собой¹⁵.

3. Креативные индустрии как потенциальный источник роста российской экономики

В сентябре 2020 г. были обнародованы (Бутрин (2020)) первые оценки доли креативных индустрий в экономике России — показателя, ассоциированного с инновационностью экономики, и возможности ее развития в постиндустриальной схеме. Центр городских компетенций Агентства стратегических инициатив (АСИ) оценил его в 4,37% ВВП, что существенно выше среднемирового уровня. Высокая доля креативных индустрий в РФ связана отчасти с высокой развитостью IT-технологий, но в целом указывает на достаточно перспективную структуру экономики¹⁶.

На текущий момент креативный сектор, как и остальные индустрии экономики подвержен существенному негативному влиянию пандемии коронавируса нового типа COVID-19, охватившей без исключения все страны мира, отрасли экономики и общественные сферы. Как следствие, креативный сектор вынужден подстраиваться под современные реалии, чтобы ответить на вызовы пандемии с минимальными потерями, а отсутствие единой государственной поддержки креативных индустрий делает эту задачу еще более затруднительной (Васецкий, Зуев (2010), Зеленцова (2017)).

¹⁵ Принципиальным отличием креативного класса от других классов является тот факт, что источник заработка креативных профессионалов - это проектирование и создание чего-то нового с большей степенью автономии и гибкости по сравнению с теми, кто выполняет заданное количество операций (Флорида (2011), с. 23-24; Боровинская (2014)). Таким образом, он представляет собой экономический класс, чья «экономическая функция поддерживает и определяет социальные и культурные решения креативных профессионалов, равно как и их образ жизни. Креативный класс состоит из людей, производящих экономические ценности в процессе творческой деятельности» (Флорида (2011), с. 85).

¹⁶ Оценка АСИ для данного сектора показывает, что выпуск в креативном секторе превышает долю здравоохранения и социальных услуг в ВВП РФ (4,2%) и сельского хозяйства (4%) (Бутрин (2020)).

Так, из-за пандемии Большой театр не получит (Палько (2020)) от продажи билетов свыше 850 млн руб. запланированных доходов. Суммарно театр не получит свыше миллиарда рублей, которые рассчитывал заработать в 2020 г.

Вместе с тем, пандемия позволила людям, не выходя из дома, прикоснуться к таким объектам мирового культурного наследия, которые были для них ранее недоступны по финансовым соображениям или в силу физических ограничений. Руководство культурных объектов было вынуждено выходить на альтернативные цифровые площадки, проводить онлайн-экскурсии, применять технологии виртуальной реальности¹⁷.

Как представляется, жесткие ограничительные меры, включая локдаун и самоизоляцию, с одной стороны, нанесли творческому сектору серьезный ущерб в виде финансовых потерь и утраты духовной связи со зрителем; а с другой стороны, еще сильнее подчеркнули роль, которую творческий сектор играет для развития экономики и общества, что, по-видимому, будет принято во внимание при разработке политики, направленной на восстановление в постпандемический период.

Например, Министерство культуры летом предложило не изменять показатели национального проекта "Культура" по посещаемости учреждений культуры, а дополнить их критерием, который будет учитывать просмотры всех мероприятий, которые проводятся учреждениями культуры онлайн. Он также будет также учитывать посещаемость платных и бесплатных массовых мероприятий, которые проводятся вне зрительных залов¹⁸.

¹⁷ Например, 27 марта 2020 г. Большой театр впервые в истории начал (Большой театр (2020а)) серию онлайн-трансляций ранее записанных спектаклей собственного «золотого фонда». Трансляции проходили на официальном YouTube-канале Большого театра без географических ограничений. Первые шесть онлайн-показов собрали (Большой театр (2020б)) около 3 млн пользователей из 134 стран. Общее количество просмотров по состоянию на 13 апреля 2020 г. составило 6,5 млн.

¹⁸ Вопрос изменения показателей возник в связи с недавним указом президента В. Путина, который определил целевой показатель "увеличение числа посещений культурных мероприятий в три раза по сравнению с показателем 2019 года" (см. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. N 474 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года"). По данным Минкультуры, несмотря на ограничительные

Заключение

Нет сомнений в том, что креативные индустрии представляют собой важнейший подсектор экономики, оказывающий значительное влияние на социально-экономическое развитие различных стран, в том числе, и России (Галкин (2005), Рунова (2017)). Однако поскольку перспективы развития российских креативных индустрий обусловлены, в первую очередь, внутренней экономической конъюнктурой в стране, а также внешнеэкономическими и геополитическими факторами, России еще предстоит решить множество как концептуальных, так и практических вопросов, прежде чем рост креативных индустрий станет реальной альтернативой сырьевому сценарию развития, другими словами, «новой нефтью» для экономики (Zelentsova E., Melvil (2011)).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой театр и YouTube покажут спектакли «золотого фонда» // Официальный сайт Большого театра (2020а) / URL: <https://www.bolshoi.ru/about/press/articles/none/5635/> (дата обращения 2020-10-28).
2. Большой театр и компания Google продолжают трансляции спектаклей на YouTube // Официальный сайт Большого театра (2020б) / URL: <https://www.bolshoi.ru/about/press/articles/none/2020-05-04-broadcast/> (дата обращения 2020-10-28).
3. Боровинская Д. Н. (2014). Экономические и культурные основания креативности // Вестник Томского государственного университета, № 388, 47-53.
4. Бутрин Д. (2020). Придумают тоже // Коммерсант / URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4491686> (дата обращения 2020-10-28).

меры, связанные с пандемией коронавируса, за первый квартал 2020 г. удалось достичь показателя в 220 млн 400 тыс. посещений (ТАСС (2020)).

5. Васецкий А. А., Зуев, С. Э. (2010). Культурные индустрии как значимый фактор политики // Власть, № 4, 65-69.

6. Галкин Д.В. (2005). Стратегии культурного развития городов: современные подходы // Журнал социологии и социальной антропологии, № 8(4), 41-57.

7. Гнедовский М. Б. (2005). Творческие индустрии: политический вызов для России // Отечественные записки [Эл. ресурс], № 4, 168-169. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/4/tvorcheskie-industrii-politicheskiy-vyzov-dlya-rossii> (дата обращения 2020-06-15).

8. Гнедовский М. Б. (2006). Творческие индустрии - развивающийся сектор постиндустриальной экономики // Управленческое консультирование, № 2, 140-151.

9. Зеленцова Е. В. (2009). От творческих индустрий к творческой экономике // Управленческое консультирование, № 3, 190-199.

10. Зеленцова Е., Гладких Н. (2010)/ Творческие индустрии: теории и практики. М.: Классика - XXI век.

11. Зеленцова Е.В. (2017). Государственная поддержка креативных индустрий // Международный журнал исследований культуры [Эл. ресурс], №1 (26), 73-80. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-podderzhka-kreativnykh-industriy> (дата обращения 2020-06-13).

12. Зеленцова Е.В. (2008). Становление и развитие креативных индустрий в современной культуре: анализ зарубежного опыта. Диссертация на соискание ученой степени культурологии [Эл. ресурс] // М.: Российский институт культурологии. URL: <https://www.dissercat.com/content/stanovlenie-i-razvitie-kreativnykh-industrii-v-sovremennoi-kulture-analiz-zarubezhnogo-opyta> (дата обращения 2020-06-12).

13. Зеленцова Е.В., Мельвиль Е.Х. (2011). Развитие творческих индустрий в России: проблемы и перспективы // Культурологический журнал

[Эл. ресурс], № 4 (6), 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-tvorcheskih-industriy-v-rossii-problemy-i-perspektivy> (дата обращения 2020-06-13).

14. Зуев С. Э., Васецкий, А. А. (2010). Культурные индустрии в условиях глобализации // Управленческое консультирование, № 1, 76-89.

15. Клоудова Й. (2010). Влияние развития креативной экономики на экономически отсталые регионы // Вопросы экономической политики, № 5, 110–125.

16. Леонов И.В., Лазарева О.В. (2017). «Исследовательские горизонты» и типологии культурных индустрий // Международный журнал исследований культуры [Эл. ресурс], № 1 (26), 28-37. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovatel'skie-gorizonty-i-tipologii-kulturnyh-industriy> (дата обращения 2020-06-12).

17. Матецкая М. (2011). Творческие индустрии: перспективы социально-экономической трансформации // Вестник Института экономики РАН, № 3, 192-206.

18. Махалина О.М., Махалин В.Н. (2014). Инновационная или креативная экономика в современной России? Подходы к управлению // Вестник университета, № 21, 37-39.

19. Минкультуры предлагает учитывать онлайн-мероприятия в показателях эффективности нацпроекта // ТАСС (2020) / URL: <https://tass.ru/nacionalnye-proekty/9125633> (дата обращения 2020-10-28).

20. Новикова С.К. (2019). Креативная экономика как драйвер роста: мировой и российский опыт // Новые технологии, № 2, 175-184.

21. Палько В. (2020) Раскрыты финансовые потери музеев и театров России из-за простоя в период пандемии. Самые значительные — у Большого театра // Сноб / URL: <https://snob.ru/culture/raskryty-finansovye-poteri-muzeev-i-teatrov-rossii-iz-za-prostoya-v-period-pandemii-samye-znachitelnye-u-bolshogo-teatra/> (дата обращения 2020-10-28).

22. Рунова А.Г. (2017). Арт-бизнес-кластеры в мире // Концепт [Эл. ресурс], №55, 29-32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/art-biznes-klastery-v-mire> (дата обращения 2020-06-11).
23. Савельева К.В. (2016). Развитие феномена культурных индустрий в современном обществе // Тамбов: Грамота [Эл. ресурс], № 12, ч. 3, 154-157. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2016/12-3/43.html> (дата обращения 2020-06-12).
24. Стародубровская И., Лободанова Д. (2013). Креативный класс и креативный город: российское преломление // Экономическая политика, № 5, 127-149.
25. Суминова Т.Н. (2012) .Творческие/креативные индустрии как вариант модернизации сферы культуры и искусства // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств, № 3 (47), 30-36.
26. Тросби Д. (2013). Экономика и культура = Economics and Culture / пер. с англ. И. Кушнарева. М.: ГУ ВШЭ.
27. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. N 474 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года" // ГАРАНТ.РУ / URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/1401794/#ixzz6fI2uYxMH> / (дата обращения 2020-11-30).
28. Флорида Р. (2011). Креативный класс: люди, которые меняют будущее = Rise of the creative class and how it`s transforming work, leisure, community and everyday life / пер. с англ. А. Константинова. М.: Классика - XXI век.
29. Флорида Р. (2014)/ Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства = Who`s Your City? / пер. с англ. Е. Лобковой. М. : Strelka Press.
30. Хезмондалш Д. (2014)/ Культурные индустрии = The Cultural Industries / пер. с англ. И. Кушнарева. М.: ГУ ВШЭ.

31. Хокинс Дж. (2011)/ Креативная экономика: Как превратить идеи в деньги = The Creative Economy: How People Make Money From Ideas / пер. с англ. И. Щербаковой. М.: Классика - XXI век.

32. Яковлев В.Ю. (2017). Основания культурных и креативных индустрий как явления современного общества // Международный журнал исследований культуры [Эл. ресурс], №1 (26), 14-27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovaniya-kulturnyh-i-kreativnyh-industriy-kak-yavleniya-sovremennogo-obschestva> (дата обращения 2020-06-12).

33. British Council (2010). Mapping the Creative Industries: a Toolkit // British Council's Creative And Cultural Economy Series / 2 [Эл. ресурс]. London: The British Council Creative Economy Unit. URL: https://creativeconomy.britishcouncil.org/media/uploads/files/English_mapping_the_creative_industries_a_toolkit_2-2.pdf (дата обращения 2020-06-19).

34. DCMS (1998, 2001). Creative Industries Mapping Document // London: DCMS, 1998. Revised 2001 [Эл. ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/creative-industries-mapping-documents-2001> (дата обращения 2020-06-20).

35. Flew, T. (2002). Beyond ad hocery: Defining Creative Industries // Paper presented to Cultural Sites, Cultural Theory, Cultural Policy, The Second International Conference on Cultural Policy Research, 23-26 January 2002, Wellington, New Zealand [Эл. ресурс]. URL: https://eprints.qut.edu.au/256/1/Flew_beyond.pdf (дата обращения 2020-06-20).

36. Hartley, J. H. (2005). Creative Industries. Wiley-Blackwell; 1 edition.

37. Oakley, K., Ward, J. (2018). Creative Economy, Critical Perspectives // Cultural Trends, vol. 27, no. 5, 311-312.

38. O'Connor, J. (2010). The Cultural and Creative Industries: A Literature Review. 2nd ed. // Newcastle: Creativity, Culture and Education [Эл. ресурс]. URL:

https://eprints.qut.edu.au/43835/1/Literature_review_second_edition.pdf (дата обращения: дата обращения 2020-06-19).

39. Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (1996). The Knowledge-Based Economy [Эл. ресурс] // OECD, Paris. URL: <http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=OCDE/GD%2896%29102&docLanguage=En> (дата обращения 2020-06-21).

40. Zelentsova, E., Melvil, E. (2011). Creative Industries. Russian Profile // Creative Compass Project Publication [Эл. ресурс]. Institute for Russia and Eastern Europe, Helsinki. URL: http://creativeindustries.ru/uploads/userfiles/file/Creative%20Industries_Russian%20Profile.pdf (дата обращения 2020-06-15).

Зотова Л. Р.

ФГБУК «Центр культурных стратегий и проектного управления
(РОСКУЛЬТПРОЕКТ)»

Москва.

ВЛИЯНИЕ ЭКЗОГЕННЫХ ШОКОВ НА РЫНКИ ТВОРЧЕСКИХ ИНДУСТРИЙ

Введение

Креативная экономика один из самых динамично развивающихся секторов на глобальных рынках. Согласно данным Всемирной организации по защите интеллектуальной собственности (World Intellectual Property Organization) объем рынка патентов, торговых марок и промышленных образцов в США в 2010 году составил 1322,066 млрд долларов, а в 2014 г. 1496,613 млрд долларов, в Китае в эти же годы 1781,831 и 3548,781 млрд долларов соответственно.

Актуальность исследования продиктована неравномерностью в реакции на шок сектора креативной экономики на глобальных рынках, наблюдаемой при анализе показателей экспорта для развитых и развивающихся стран.

Цели исследования:

1. Оценка влияние финансового кризиса на занятость в секторе креативной экономики в развитых и развивающихся странах.
2. Выявление разницы в степени устойчивости сектора креативной экономики к воздействию кризиса для развитых и развивающихся стран.
3. Выявление факторов, обуславливающих неравномерность сектора креативной экономики в реакции на шок для развитых и развивающихся стран.

Для достижения поставленных целей нами ставятся следующие *задачи*:

1. Разработка классификации креативного труда, с целью определения объема занятости в креативном секторе.

2. Сбор статистических данных по сектору креативной экономики в соответствии с предложенной классификацией.

3. Построение модели частного равновесия для креативного и некреативного секторов с агрегированными агентами, для проведения сравнительной статистики от шока производительности, объясняющую разную реакцию на кризис, в зависимости от развитости институциональной среды на рынке труда.

Предметом исследования является оценка динамики занятости в креативном секторе в кризисный и посткризисный периоды для ряда стран, путем анализа и сравнения с динамикой некреативного сектора.

Объектом исследования является показатель занятости в креативном секторе и её динамика во время мирового финансового кризиса.

Нами выдвигается следующая *гипотеза*:

Неравномерность реакции на шок сектора креативной экономики в развитых и развивающихся странах обусловлена качеством институциональной среды. Мы предполагаем, что в странах с развитой системой профсоюзов, переток из некреативного сектора в креативный происходит медленней, чем в странах, где работники в меньшей степени защищены коллективными договорами. Что приводит к росту сектора креативной экономики в последних.

Новизна исследования заключается в оценке влияния финансового кризиса на креативную экономику, путем построения теоретической модели, объясняющей неравномерность реакции на шок в развитых и развивающихся странах.

Основные результаты исследования:

1. В рамках исследования была разработана классификация креативного труда, совмещающая отраслевой и трудовой подход к формированию креативного сектора.

Из всего многообразия классификаций творческих индустрий, нами была выбрана классификация, предложенная Джоном Хокинсом, но с некоторыми дополнениями. Во-первых, в состав творческих индустрий были включены музеи, архивы и высшие учебные заведения. Так как, если посмотреть на креативную экономику как на отрасль, то становится важным определить каковы ее факторы производства, ресурсы и конечный продукт.

2. Были собраны уникальные данные по занятости в креативном секторе для 7 стран за 21 год.

Расчет занятости в креативном секторе произведен не как суммирование числа занятых в организациях и предприятиях творческих индустрий, куда входит немалое количество поддерживающих специалистов, таких как водители, сотрудники АХО и так далее. Для определения занятости в креативном секторе, нами были выделены те специальности (по классификаторам специальностей для каждой страны), которые подразумевают новаторскую, инновационную и творческую деятельность, и здесь мы опирались на дефиницию креативного класса Ричарда Флориды. Нами был произведен сбор данных для каждой из 7 рассматриваемых стран за период с 1997 по 2017 гг.

3. Была построена теоретическая модель и проведен симуляционный эксперимент, которые подтвердили справедливость выдвинутой гипотезы о росте сектора креативной экономики в развивающихся странах после кризиса по причине перетока рабочей силы из некреативного сектора в креативный.

Эксперимент показал, что с ростом силы профсоюзов стимулы уходить из некреативного сектора уменьшаются. В странах с наименьшей степенью развитости профсоюзов, работники некреативного сектора ощущают влияние негативного шока производительности раньше, чем в странах с более развитой системой. В то время, как прибыль фирмы имеет обратную зависимость – при слабых профсоюзах прибыль выше, чем при сильных. Однако с определенного

момента времени, в силу влияния негативного шока, прибыль фирмы с двумя типами работников станет равной прибыли фирмы с работниками типа Low.

Кроме того, изначально, как следует из стандартных моделей профсоюзов, чем больше сила профсоюза, тем меньше уровень трудовых затрат. При переходе работников типа Med в креативный сектор, некреативная отрасль потерпит падение производительности, что будет компенсировано большей загрузкой трудовых ресурсов, оставшихся в отрасли, соответственно трудовые затраты некреативного сектора резко вырастут. Наибольший рост загруженности будет опять же наблюдаться в станах со слабыми профсоюзами, что можно трактовать как еще один стимул для перехода в креативный сектор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Высшая макроэкономика: учебник / Дэвид Ромер; пер. с англ. Под науч. ред. В. М. Полтеровича. – 2-е издание. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. – 855с.
2. Лэндри Ч. Креативный город /Ч. Лэндри. – М.: Классика-XXI, 2011. – 399с.
3. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее/ Р. Флорида. – М.: Классика-XXI, 2011. – 432с.
4. Хокинс Д. Креативная экономика /Д. Хокинс. – М.: Классика-XXI, 2011. – 255с.
5. Экономика общественного сектора: учебник / Л. И. Якобсон [и др.]; под ред. Л. И. Якобсона, М. Г. Колосницыной. – 3-е изд., пер. и доп. – М.: Юрайт, 2014. – 567с.

**Круглый стол «Тенденции и перспективы развития культурных
индустрий в регионах России»**

Мальцева В.В., Молодцова В.А.

НИУ ВШЭ

Данилова О.Е.

Министерство труда и социальной защиты РФ

Москва

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ НА
РЕМОНТНО-РЕСТАВРАЦИОННЫЕ РАБОТЫ ОБЪЕКТОВ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РОССИИ**

Культурное наследие является значимым ресурсом для городской экономики. Данный тезис подтверждают результаты крупномасштабной программы «Главная улица», действующей в США с 1981 года. В основу программы заложена идея стимулирования экономической деятельности сообществ путем сохранения материального культурного наследия, а именно исторических центров городов. На данный момент в реализации программы участвует более 1600 муниципалитетов из 50 штатов. По оценкам Донована Рипкема (D. Rurkema) за первые 20 лет реализации программы было отреставрировано 89 тысяч исторических зданий, что в свою очередь привлекло \$16,1 млрд инвестиций. При этом каждый доллар, инвестированный на паритетных началах государством и частными инвесторами, принёс около 40 долларов дополнительных инвестиций. Качественное изменение среды в историческом центре повлияло на экономическую активность – было создано 56 тыс. предприятий и 227 тыс. новых рабочих мест. Также в 2016 году исследовательской команде из Вашингтона под руководством Стефани Микс (Stephanie Meeks), президента National Trust for Historic Preservation, путем анализа социально-экономических характеристик и пространственных

закономерностей удалось установить, что кварталы и районы со смешанным типом застройки, где преобладают небольшие исторические здания, были более экономически успешными и имели большее социальное значение, чем районы с преимущественно новой крупной застройкой.

Тем временем в России вопрос сохранения и развития объектов культурного наследия продолжает стоять достаточно остро. По экспертным оценкам, только в Москве с 1992 года было утрачено более 700 исторических зданий, а с 2015 года город теряет в среднем 20 зданий в год. Данная оценка учитывает только объекты, обладающие официальным охранным статусом, поэтому реальные масштабы утраты не поддаются оценке. Наиболее частой причиной небрежного отношения или невостребованности объектов культурного наследия является низкая рентабельность проектов приспособления, что в свою очередь связано с высокими затратами на ремонтно-реставрационные работы. Часто высокую стоимость работ по сохранению объектов культурного наследия связывают с разновидностью «болезни цен» Баумоля (Baumol's Cost Disease). Данный термин больше характерен для предметов искусства, но в отношении объектов культурного наследия может выражаться в высоких издержках (относительно нового строительства) в силу дорогостоящих материалов и привлечения высококвалифицированной рабочей силы. Однако в отечественной практике данный тезис не отражает фактических причин завышения стоимости. В первую очередь, потому что в России стоимость ремонтно-реставрационных работ не формируется рыночным способом (как на предметы искусства), а рассчитывается на основе укрупненных сметных нормативов, чаще всего базисно-индексным методом (СРП – 2007.8). Базисно-индексный метод считается устаревшим и имеет ряд недостатков, среди которых наиболее часто отмечают: (1) быстрое устаревание баз сметных норм и расценок, (2) отсутствие определенного набора строительных материалов, (3) расчёт оплаты труда

основан на прожиточном минимуме, (4) зависимость цены строительных работ от источников финансирования.

Вторым изъяном является существующий механизм лицензирования. Изначально данный механизм предполагал, что допуск к реставрационным работам будут иметь только аккредитованные специалисты - профессиональные реставраторы, но на практике часто привлекаются фирмы/специалисты-посредники. Формально зачисленные сотрудники, имеющие необходимую квалификацию, помогают строительным компаниям пройти лицензирование, а фактическую реставрацию выполняют работники, не имеющие соответствующей квалификации.

Отдельно стоит отметить несовершенство процедуры проведения тендеров и высокий уровень коррупции. Скандалы, связанные с хищением средств, выделенных на реставрацию объектов культурного наследия, широко освещаются в СМИ и стали повседневностью для всей строительной отрасли в целом. В ответ на это в 2017 году при Министерстве культуры Российской Федерации была создана рабочая группа по реформированию реставрационной отрасли, однако значительных изменений в области реставрации за последние 3 года не произошло, проблема прозрачности ценообразования на ремонтно-реставрационные работы остается открытой.

В рамках исследования авторы поставили перед собой цель – сопоставить стоимость ремонтно-реставрационных работ в России и мире, проанализировать проблемы, характерные для ремонтно-реставрационной отрасли и существующие компенсационные механизмы, разработать концептуальные предложения по совершенствованию отрасли.

Эмпирическая часть исследования строилась на сравнительном анализе расходов на реставрацию объектов культурного наследия в России, Америке и странах Европы. Для выявления средней стоимости ремонтно-реставрационных работ авторами было использовано два метода - анализ открытых источников, в

том числе интервью с экспертами, и анализ тендерной документации по пяти крупным городам России, обладающим значительным культурным фондом (Москва, Санкт-Петербург, Самара, Нижний Новгород, Казань). Результаты анализа были сопоставлены со стоимостью реставрации объектов культурного наследия в Бельгии, Франции, Великобритании, Германии, Италии, Польше и Америке. Для наиболее корректного сопоставления авторами были использованы методы, применяемые при оценке рыночной стоимости недвижимости - метод прямого сравнения с объектом-аналогом и метод сравнительных единиц. Предварительные результаты исследования показали, что в России затраты на ремонтно-реставрационные работы в 2-3 раза выше, чем в Америке и странах Европы. Стоимость ремонтно-реставрационных работ в России варьируется от 80 до 200 тыс. руб за квадратный метр. Парадокс заключается в том, что средняя стоимость работ не зависит от города, уровня заработной платы и наличия кадров. Например, стоимость работ на объекте III категории (ограниченно работоспособное состояние) составляет 120-140 тыс. руб. за квадратный метр вне зависимости от города.

На втором этапе исследования был проведен анализ компенсационных механизмов (субсидирование затрат на ремонтно-реставрационные работы) – прямые субсидии, гранты и налоговые вычеты. В ходе исследования не было обнаружено признаков прямого влияния компенсационных механизмов на стоимость работ, однако было отмечено, что такая модель взаимодействия собственников и государства обладает стимулирующим характером и демонстрирует повышение рентабельности проектов. В России компенсационные механизмы по большей части отсутствуют.

Подводя итоги, авторы видят следующие направления работы, которые могут способствовать повышению рентабельности проектов сохранения и приспособления объектов культурного наследия: (1) необходимость перехода к рыночной модели формирования стоимости на ремонтно-реставрационные

работы; (2) реформирование системы лицензирования и аккредитации специалистов; (3) контроль проведения работ на объектах культурного наследия со стороны органов охраны на регулярной основе; (4) разработка компенсационных механизмов.